

ГОАР КАСПЕР, КАЛЛЕ КАСПЕР

чудо

«Эта книга – о неумирании смертных, о невыразимом – о не имеющем адекватного воплощения в речи, в словах – только в музыке и смерти».

АНДРЕЙ АРЬЕВ

Гоар Маркосян-Каспер

Чудо

«Калле Каспер»

Маркосян-Каспер Г. К.

Чудо / Г. К. Маркосян-Каспер — «Калле Каспер»,

ISBN 978-5-04-097324-8

Эта книга создана двумя писателями, двумя влюбленными – Гоар и Калле. Трагическая история борьбы с болезнью, ее важные победы и горькие поражения рассказана двумя разными писателями. Гоар начинает, Калле подхватывает и развивает тему, словно в оперном дуэте, и, сливаясь, произведения становятся настоящим чудом – гимном неумирающей любви.

ISBN 978-5-04-097324-8

© Маркосян-Каспер Г. К.

© Калле Каспер

Содержание

Предисловие	6
Гоар Каспер	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гоар Каспер, Калле Каспер

Чудо

© Арьев А., предисловие, 2018

© Каспер Г., Каспер К., текст, 2018

© Пурин А., перевод, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие Михкель и Марго

Существует утешительная максима: об умерших следует говорить как о «примкнувших к большинству». Эта книга – о тех, кто после исчезновения к большинству не примкнет – ни в обиходном смысле, ни в метафизическом, «Чудо», о котором написал Калле Каспер, в том и состоит, что расстояние между вечностью и обоими представленными в этой книге писателями, их героиней и героем – преодолимо, являет собой ничтожную малость, равную двум сотням страниц и нескольким поэтическим строчкам об асфоделях: «В элизии погода так легка! Выращивать я стану асфodelи – И утром приносить тебе к постели, А ты потом нальешь мне молока».

Написано в Ферраре, там, где асфodelи растут сами по себе – по обе стороны Стикса. Написано человеком европейской культуры: для него асфodelи не просто цветочки, но символы. И у Гоар Маркосян-Каспер напоминание о бренности всего сущего – «Memento mori» – звучит приветствием! Ибо разлучается Марго с Михкелем, героем ее романа, лишь на время, оставшееся ему на земле без нее. Измеряется оно сроком, отпущенным ее возлюбленному на создание романа и песен о ней самой. Ведь иное имя Михкеля – Мастер, новый Орфей. По обоюдному чаянию они или обретут покой, как в «закатном романе» Михаила Булгакова, или встретятся, как у Данте, в Лимбе. Это недалеко – Италия страна обетованная для обоих персонажей, неотличимых в данном случае от своих создателей.

Пути туда пролегают по извивам и тропам медлительных предложений, соответствующих неконтролируемой скорости потока сознания. Ясный разум – единственный надежный поводырь на этой дороге, а ирония и автоирония – освобождающие от напряжения паузы на привалах. Все эти качества – вместе с приметливым взглядом на внешний мир, характерным для обоих авторов – образуют общую гармонию, пронизывающую и скрепляющую книгу как единое целое.

«Не примкнувшими к большинству» и Гоар Маркосян, и Калле Каспер являются и в самом простом смысле, резко выраженном в одном из профессиональных суждений о современном искусстве: «...дворник, к примеру, с самого рождения примкнет к большинству, а художник, если ему неохота красить задницу в синий цвет и лаять на прохожих, может и остаться вне мейнстрима и посему приобрести <...> второстепенный статус».

Для обоих писателей «второстепенный статус» – это своего рода знак избранности, отделяющий их от «толпы», от попадания в среднестатистическое «большинство», не посягающее на господствующие мнения и поветрия. От тех, кому, говорит Марго, «драгоценное их государство куда дороже семьи, родных, близких...».

Да и с «близкими» и у Маркосян, и у Каспера не все ладно. Любовь распылению не подлежит, и каждый из этих авторов мог бы повторить слова поэта: «Я любил немногих. Однако сильно».

В сюжетном плане то, о чем и как пишут авторы публикуемых романов, есть комментарий на полях общих житейских прописей, комментарий жесткий, не избавляющий от насмешки и над собственными благоприобретенными воззрениями. Один из самых ярких относится все к тем же асфodelям – в самую что ни на есть драматическую минуту, увенчанную вещим сном о погружении в царство мертвых: «А где же обещанные асфodelи? Должно бы быть красиво, черные лилии, бархатные лепестки, возможно, желтые тычинки... Ерунда, их бы давно вытоптали... то есть так оно, наверное, и случилось». Эти вытопанные цветы говорят о несметных толпах ушедших с лица земли выразительнее любых цифр.

Книга Гоар Маркосян и Калле Каспера – о неумирании смертных, размеренное повествование с действительными сценами, перетекающими в сны, в нирвану. Она о невыразимом – о не имеющем адекватного воплощения в речи, в словах – только в музыке и смерти. Можно ли между ними установить гармонию – вот вопрос существования пишущего. Героиня Маркосян себе самой рассказывает о пути к небытию. Живая, она передает эстафету осознания тайны смерти Михкелю. Марго умирает уже за пределами повествования, переходит в сознание того, ради кого жила. Это и есть чудо, поведенное ей вослед другим, ближайшим к ней рассказчиком. Калле Каспером.

Андрей Арьев

Гоар Каспер Memento mori

Моему любимому мужу, лучшему на свете

– У вас есть страховка? – спросила врач, не поднимая головы, даже, кажется, не отрываясь от начертания «докторских каракуль» – каких именно, с дивана, неудобно втиснутого в подошедший, наверно, по размеру промежутков сбоку и чуть в стороне от стола, видно не было.

– Нет, – сказала Марго.

Она могла бы добавить, что в противном случае вряд ли стала бы выкладывать четыреста крон за визит в частную поликлинику, но промолчала. Впрочем, докторша, худая даже по нынешним меркам, можно сказать, изможденная женщина... неудивительно, словно бы одна на весь Таллин, в какую схожую лавочку ни позвони, везде принимает она, в разные дни и часы, конечно, но она... докторша кивнула, потом бросила в ее сторону короткий взгляд, в котором Марго почудилось нечто вроде смущения, и снова уткнулась в свои записи. Интересно, подумала Марго отрешенно, судьи тоже смущаются перед тем, как зачитать приговор? Не всегда, конечно, только в особых случаях, например, когда какая-нибудь ловкая дамочка пристукнет пару человек, задавит, допустим, на машине или и вовсе пристрелит, прирежет, придушит, при-при-при, словом, прикончит, а потом помчится к ушлому адвокату, пошущуется, домой, к мужу или тому, кто его заменяет, и давай парочка трудиться в постели не покладая рук, то есть не рук, а совсем другого, до тех пор, пока не соорудит и не произведет на свет невинное дитя, и пожалуйста, никаких тебе отсидок в ближайшие четырнадцать лет, а там родишь еще и так далее, до климакса, ну а потом помилуют, гляди, как мать-героиню... Правда, закон сей применяют, кажется, не ко всем, а... «эта нога – у кого надо нога», как говаривал ефремовский персонаж в рязановском фильме... так оно в России, где, собственно, закон и есть, Марго услышала о нем из новостей. Возможно, если бы она смотрела не только новости, но и телевизор вообще, то узнала бы еще что-нибудь полезное, просиди перед ящиком неотрывно какую-нибудь неделю, и ты получишь драгоценную крупицу знаний, для приобретения которой иным менее на сегодняшний день банальным путем тебе пришлось бы потратить добрую минуту на чтение чуть ли не целой страницы в книге... Любопытная, однако, правовая норма, количественная, можно сказать, – одного убрал, другого добавил, общее число не изменилось, стало быть, ничего и не произошло... С точки зрения вечности и закона сохранения массы так оно и есть... Конечно, погибший мог быть художником, а из новорожденного, вполне вероятно, получится дворник или чиновник, но с позиций политкорректности и прав человека сие значения не имеет... Тем более что неизвестно, кто из этой компании более ценен, не матери-истории, конечно, а кипучей современности, – дворник, к примеру, скорее всего, с самого рождения примкнет к большинству, а художник, если ему неохота красить задницу в синий цвет и лаять на прохожих, может и остаться вне мейнстрима и посему приобрести, как она недавно вычла из газеты, второстепенный статус... Что, непонятно? Элементарно, Ватсон, остаться вне мейнстрима означает приобрести второстепенный статус, так, по крайней мере, истолковывает данную ситуацию печатный орган. То бишь оказаться на обочине... впрочем, можно сказать и иначе, на берегу, стоять и смотреть, как весь этот мейнстрим низвергается в пропасть забвения, ave caesar, идущие на смерть приветствуют тебя... хотя гладиаторы-то не те, кто в мейнстриме, а кто вне... Кстати... или некстати?... в Эстонии еще проще, особенно что касается убийств с применением четырехколесного оружия, тут и рожать никого не надо, за сбитого пешехода разве что орден не дают, пару лет условно и дави дальше, даже права не отбирают, ну, может, на месяц-другой, это, впрочем, понятно, законодатели-то сидят у руля

не только страны, по себе знают, что пожизненное лишение прав – наказание немногим более мягкое, чем пожизненное заключение... и все же удивительно, что ценность автомобилиста настолько перевешивает пешеходовскую, можно подумать, на чашу весов бросают и средство передвижения, а ведь разница между бродячими и сидячими не только денежная, у кого есть на что купить, у кого нет, водятся на свете еще и придурки, которым просто нравится ходить пешком... Но эти опять же вне мейнстрима, второстепенный то бишь статус, задавить такого святое дело... Ситуация выглядит особенно пикантно на фоне неустанной и дорогостоящей всеэстонской борьбы за пристойный демографический пейзаж, впрочем, внутренняя логика прослеживается и тут, золотом ведь осыпают зажиточных мамаш, чада коих пешком ходить не будут, дамочкам победнее достается металл менее презренный...

Тут поток ее сознания вдруг замер, растерянно заплескался на месте, словно уткнулся в дамбу, массивную, черного камня, холодную и неумолимую, проще говоря, действительность, которую она вопреки очевидности всячески игнорировала, старалась не замечать, думать о другом, пусть о ерунде, будто вещи, которых в упор не видишь, возьмут да исчезнут, нечто в духе Беркли... И вообще, надежда, как известно, пока дышишь, при тебе. До последнего. Так, наверно, обвиняемый, ожидая решения суда, надеется, несмотря за груз улики и свидетельств, услышать вердикт «не виновен»...

Докторша наконец оторвала взгляд от бумаг и повернулась к Марго.

– Скверно, – сказала она озабоченно. – Вам нужно дорогое лечение. Химиотерапия, облучение, операция, все это стоит уйму денег. Даже бизнесмену это не по карману, а ведь вы с мужем...

Марго ее не слушала или не слышала... Вдруг вспомнился сон, старый, год, наверно, прошел, даже больше, но не забылся, застрял в памяти, и поди ж ты... Будто она советуется со знакомой профессоршей, доктором наук, только не медицинских, а филологических, рассказывает про странную штуковину, которая вдруг вылезла на свет у самого краешка груди, добавляет, что раковые опухоли, к счастью, за пару дней не возникают, а профессорша отвечает наставительно: ошибаетесь, милая моя, именно так они и образуются...

– Есть одна возможность, – сказала докторша. – При этой болезни можно оформить инвалидность и получить страховку. Для этого надо...

И она стала объяснять.

Марго слушала недолго, у нее возникло ощущение, что все извилины ее великолепного – ой ли? – мозга внезапно сгладились, кора стала гладкой и твердой, как металл... да-да, и блестящей, гладкой, твердой и блестящей, и похожие на маленькие пули слова не пробивали ее, а отскакивали и падали куда-то вниз, на ковер... нет, тут нет ковра, просто на пол, падали, раскатывались в стороны, несколько секунд она с недоумением смотрела на покрытый лаком старый, неровный, еще советский, надо полагать, паркет, словно ожидая увидеть стальные шарики... или ролики, пули ведь больше похожи на ролики... шарики за ролики, да... нет, не ролики, а цилиндрики, пули то бишь... бред какой-то...

– Повторите, пожалуйста, все это моему мужу, – попросила она. – Он здесь, за дверью, я его позову.

Муж сидел одиноко в пустой маленькой приемной, поглядывал на дверь, которую она приоткрыла, поманила, он подошел, и через пару минут она смогла отключиться, бездумно глядя, как бедняга Михкель выслушивает жуткие откровения озабоченной докторши, и думая ни о чем. Ни о чем в данном случае не означало то, что высокопарно именуют Ничем. Великое и ужасное Ничто, nulla, как спел бы Яго, спроси его, что следует после химиотерапии, облучения и иных удовольствий, на которые так щедра современная медицина...

Немного позже, когда они шли по заснеженному... какое там!.. заваленному снегом чуть ли не до крыш, промерзшему, темному и пустому городу, Марго, обвив рукой локоть мужа, шагала рядом с ним и меланхолично думала, что до них все-таки добрались, что их малень-

кий мир, уютно обставленный общими вкусами и схожими привычками, освещенный почти единым видением действительности, вот-вот рухнет... ей пригрезились развалины домашнего очага, закопченные камни, угли и зола, воющий в трубе зимний ветер и пепел, пепел... что за мелодраматическая ерунда!.. И тем не менее любая жизнь, как оказывается, может в одночасье превратиться в мелодраму, а за что? «Ах ты гаденыш! – обратилась она к богу, в которого никогда не верила и верить не собиралась. – Что я тебе сделала, скотина ты эдакая? Думаешь, молиться начну? Не надейся!»

Тут правой ногой стало холодно, и Марго, забыв обо всем прочем, остановилась и наклонилась.

– Что случилось? – спросил Михкель.

– Сапог.

При свете уличных фонарей было трудно что-либо разглядеть, – Марго пощупала указательным пальцем, одетым в непонятно теплый, настолько, что и варежек не надо, достаточно перчаток, уютный чехольчик и посему, невзирая на многоградусный мороз, не утратившим чувствительность, – так и есть, разошелся шов, чуть-чуть, в месте, где верх прикреплялся к подошве, то бишь платформе, толстенной, хоть и пластмассовой, пусть и пластмассовой, но надежно отгораживавшей от заледенелого асфальта, да просто спасшей ее в эту чудовищную зиму. Увы, теперь таких не делают, сапоги ныне на подошве, тоненькой, как полиэтилен для пакетов, в лучшем случае, бутылок, наверно, чтобы нога чувствовала педаль тормоза. В романах героини нередко сбрасывают туфли, дабы слиянию с педалью ничто не мешало, акт вождения таким образом почти превращается в сексуальный... и очень правильно, надо ведь чем-то заменить этот последний, ставший обыденностью, видом гимнастики или, скорее, вредной привычкой вроде курения, от одного случается рак легких, от другого СПИД и прочие венерические радости... Да, но если у тебя нет машины, чтобы слиться с ней в неопишемом экстазе, а ты шлепаешь ножками по мерзлой земле? Можно, конечно, надеть босоножки, вот ими все лето были набиты магазины, сверкающие чудища на высоченной платформе, о каблуках и говорить нечего, кто на них вскарабкается – существуют еще такие любительницы экстрима – ходит почти на пуантах. Как балерина. Но балерины не ходят на пуантах по жизни... А жаль... Марго вообразила себе танцовщиц, порхающих по улице от дома к дому, па-де-буре из столовой в кухню, тур пике из супермаркета в парикмахерскую... И удивилась. О чем ты, девочка, думаешь? Других забот, что ли, нет? Ну, по крайней мере, одной меньше, новые сапоги могут и не понадобиться, эта зима уже подходит к концу, а до следующей... Даже в починку не стоит отдавать... А там, глядишь, сама запорхаешь, как... Наверно, ангелы тоже порхают, как балерины... Она представила себе небесную твердь, усеянную сплошными Мариями Тальони в шопеновских пачках, легкими, как тополиный пух... избито!.. и воздушными, как... совсем затасканно, лучше вовсе без эпитетов... словом, Мариями Тальони, едва касающимися земли, то есть неба, перепархивающими через рояли... Впрочем, роялей на небе нет, даже нет кустов, в которых они могли бы случайно оказаться, да и тебя, Марго, там не будет, поскольку атеистам туда вход воспрещен... А куда их пускают? В преисподнюю? И как там все обставлено? Если ангелы похожи на балерин с их выворотными стопами, то в аду, наверно, господствует косолапость, как у манекенщиц... А почему нет? Ей вообразились отнюдь не эфирные, хотя и тощие создания, тощие и долговязые, эдакие дон-кихотицы в жутком гриме и с кошмарными прическами, которые своей петушино-медвежьей походкой ковыляют, неуклюже вихляя бедрами или тем, что их заменяет, а точнее не заменяет, по неровной адской почве и тянут длинные руки с зелеными или синими, а то и черными ногтями к злополучным атеистам... Что еще? Марго поняла, что знает о загробном мире совсем немного, почти ничего, а ведь их масса, этих миров, начиная с царства теней, куда спускались Орфей с Одиссеем, порознь, конечно, и по разным надобностям, первый за возлюбленной, второй за информацией... и, добавим, с прямо противоположными результатами, Одиссей свое получил, а Орфей вернулся с пустыми руками

или, скорее, объятьями, что, естественно, проистекало из особенностей их характеров, роль личности в истории, так сказать... Да, царство теней, Харон, Стикс, темнота, тишина... благодатная после шумного современного мира, но древние не знали, что такое настоящий шум, и по недомыслию спасение от него считали бедствием... Так? Или не так? Можно, разумеется, почитать, что пишут на эту тему авторитеты, да только зачем? И какие к черту авторитеты, кто и что знает о «стране, откуда ни один не возвращался»? Гляди-ка, ведь и Шекспир, кто бы этим именем ни прикрывался, был атеистом, откуда иначе взялась бы «неизвестность после смерти» или «какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят»?..

Между тем они дошли до дома, Михкель отпер дверь, Марго вошла и с каким-то новым интересом оглядела прихожую квартиры, в которой ей теперь уже точно предстояло прожить оставшуюся жизнь или остаток жизни, формулируйте, как хотите.

Всю ночь ей снились всякие экзотические сны. Она пробиралась по полуразрушенному мосту, подвешенному в немыслимой высоте над ущельем между двумя крутыми, голыми, лишь черный базальт с редкими порослями серо-желтых колючек, склонами. Мост был сложен из крупных камней вроде акведука в Сеговии, опоры основательно, а пролеты в один-единственный слой, непонятно, как неплотно прилежавшие друг к другу глыбы держались вместе, местами они и выпали; кое-где в образовавшиеся окошки проглядывало дно ущелья, ошетилившееся острыми скалами, торчавшими из вялотекущего, как шизофрения, потока, парапет оказался только с одной стороны, а в середине мост утончился буквально до полуметра, там же зияла большая дыра, через которую надо было перелезть, что казалось совершенно невозможным, и тем не менее она перелезла, попросту перешагнула – при ее-то боязни высоты, перешагнула и добралась до надежного участка, поцелее и пошире, правда, не до конца, то бишь обрыва напротив, ибо сон неожиданно сменился. И опять был мост, вернее, узкий мостик над улочкой средневекового городка, миниатюрной улочкой крошечного городка, почти неправдашного, но мостик над угрожающе бугрившейся булыжной мостовой самый натуральный и тоже с обломанными перильцами и прохудившимся настилом, однако и его она одолела, не сорвалась. И как сей сон следовало трактовать?

– Будем бороться, – сказал Михкель после завтрака решительно, подхватил кружку с кофе и сел за телефон, а Марго меланхолично подумала, что именно это, видимо, сон и означал... Если только можно бороться со вселенским злом...

Она машинально собрала посуду, отнесла на кухню и открыла кран.

Кухню, наверно, уже тоже не обновить... Иногда она тешила себя мыслью, что появятся лишние деньги и удастся вместо опилочных, неудержимо впитывавших воду шкафчиков обзавестись иными, из несокрушимого материала, которому никакая влага нипочем, ни душ не берет, ни наводнение, говорят, есть такие, в них хоть по Ниагарскому водопаду спускайся, вылез на берег, вытер тряпочкой и вешай обратно на стену. Десять лет назад, когда они художнически отремонтировали квартиру, заменив ванну, древнюю, как некогда уворованные из терм и исправно служащие по сей день бассейнами для фонтанов римские, и почти столь же крепкую, некогда эмалированную раковину и прочие, менее прочные, но такие же потрепанные предметы обстановки, денег на подобные излишества не было, да и самих излишеств как будто не существовало, а теперь... А что теперь? Теперь надо бороться. Как и за что? За то, чтобы потащили на операционный стол, изуродовали?... Она представила себя калекой с одной грудью... одногрудая, эдакий дромадер наизнанку... Или дромадер как раз двугорбый? Какая разница... Одногрудой и лысой, потом ведь назначают химиотерапию, от которой выпадают волосы... И в таком виде ложишься в супружескую постель... а ведь она спит без ночной рубашки... И что в итоге, все равно через год-два сдохнешь от метастазов... кто, кстати, сказал, что у нее их нет уже сейчас, два года ведь болталась с этой пакостью в теле, может, внутри все поросло-заросло... но даже если нет, то будут, сразу пришли на память знакомые и незнакомые жен-

щины, отправившиеся на тот, даром что несуществующий свет от метастазов разного калибра и местонахождения, в легких, когда человек задыхается, или в костях, те, наверно, ломаются... одна из ее подруг умерла от разрыва кишечника, и ей крупно повезло, сразу впала в кому, и все, привет, прощайте, *adieux*, *addio*...¹ *Addio, del passato*...² Так какого черта? «Когда так просто сводит все концы удар кинжала...» Кинжал, конечно, забава не женская, даже если заменить его кухонным ножом... Припомнился один старый приятель-химик, бабушка у него умерла от этой самой болезни, так химик стащил в лаборатории цианистый калий, на всякий случай, а вдруг и сам подхватит нечто эдакое... да, но где ей-то взять этого зелья хоть крупиночку, теперь даже снотворного не достанешь, рецепты, рецепты... правда, есть еще газовая плита... У плиты, конечно, могут быть серьезные последствия... Марго вообразила себе их в виде ярких зрительных образов, как это положено у эйдетиков, взрыв, вулкан, Везувий, обломки пятиэтажного дома, взлетающие на высоту ближних небоскребов, огонь, облизывающий руины, пожирающий остатки их скромного добра, в основном книги, и среди обломков бытия свое обгоревшее полукремированное тело... надо не забыть написать завещание с наказом, чтобы ее кремировали, никаких червей, только пепел... Михкеля, естественно, не будет дома... и что он увидит, когда придет? Впрочем, здание у них крепкое, на воздух не взлетит, да и пожара не будет, кто-нибудь да и учует запах... Но Михкель все равно ничего радостного для себя не узрит... Марго стало безумно жаль мужа, как он без нее... тут же припомнилась старая премудрость, жалеть, мол, надо того, кто покинул сей бренный мир... дурацкое выражение, бренный-то не мир, а тот, кто его покинул... остальные поплачут и перестанут, даже поэма пришла на ум, которую ей несколько лет назад довелось прочесть, эдакое неистовое горевание по почившей жене, а потом она узнала, что поэт, избыв траур, через какой-нибудь годик нашел новую музу и теперь строчит, строчит стихи уже в ее честь... возможно, вперемешку с элегиями в память предыдущей...

– Я записал тебя на прием к семейному врачу, – сообщил Михкель бодро из соседней комнаты.

– Какому? – спросила Марго равнодушно.

– Твоему. Представь себе, у нас и семейный врач имеется, все честь по чести. Правда, ему надо платить, но...

– Но организовано все на высшем уровне, – пробормотала Марго. – Чего и следовало ожидать.

– Не совсем на высшем, – возразил Михкель. – Удалось записаться только на следующий понедельник. Очередь.

– Ничего страшного, – вздохнула Марго. – Пара-другая дней ничего не изменит.

И подумала про себя, что спешить некуда, превратиться в калеку она всегда успеет... если вообще на такое пойдет... Надо спросить Михкеля, настолько ли она ему дорога, нужна и необходима, чтобы... Но чего ради лезть в пекло поперед бабки, может, окажется, что оперировать уже и смысла нет, терминальная стадия... И тогда... А что тогда? Быстренько ознакомиться с рекламными проспектами, какая религия чего предлагает, выбрать наилучший из лучших миров и примазаться?.. То есть помазаться? Нет, помазываются только их королевские величества, прочие же причащаются. Поедают тело злополучного Иисуса, от которого не убывает, нечто вроде неразменного пятака... Натуральный каннибализм. Собственно, это у католиков. Кажется. И что? По правде говоря, из всех христианских вариаций ей больше всего католицизм и нравился, из-за внешнего блеска, конечно, это ведь самая барочная из религий, с ее пышными процессиями, торжественным звучанием органа и роскошными церквями, иногда даже слишком, – избыток украшений порой грешит против хорошего вкуса, – и тем не

¹ Прощайте (*итал.*).

² Прощай, прошлое... (*итал.*) – первые слова арии Виолетты из третьего акта оперы «Травиата» Джузеппе Верди.

менее Марго их любила, особенно готические. Четкий рисунок нервюр, кружево колоколен, игра света в ярких стеклах витражей... правда, и барокко... она вспомнила Бернини с Борромини, потом саламанкское чурригереско с его резьбой по камню, тончайшая, изысканнейшая резьба, целые стены резьбы... Если б только еще изъять из этого пиршества красоты бога... Впрочем, его уже изъяли сами священнослужители, о какой вере может идти речь, если в церковь пускают за деньги. Интересно, что по данному поводу сказал бы Христос, некогда выгнавший из храма менял. Этот вопрос Марго неоднократно порывалась задать папе римскому, не лично, разумеется, а через Интернет, наверняка электронный адресок у того имеется, как иначе, порывалась, но так и не сподобилась, хотя каждая поездка по христианскому миру снова и снова сотрясала основы ее миропонимания. Говорят, испанцы самые ревностные из католиков, и однако в толедский собор продавали билеты, и весьма дорогие, в церкви вообще вход дороже, чем в музеи... А их освещение? Брось монетку, и fiat тебе lux! А монетка-то в пятьдесят евроцентов, такие теперь грошики, дело, конечно, добровольное, но не бросишь, не разглядишь в полумраке капеллы картину Караваджо или фреску Рафаэля там, наверху... Да, только у католиков церкви расписывали Рафаэль с Микеланджело, это весомый аргумент в их пользу, не Микеланджело с Рафаэлем, конечно, а католиков... Хотя, если на то пошло, Марго предпочитала язычество, античные боги были, как выразился кто-то, чуть ли не Ленин, по другому, правда, поводу, ближе к народу, то бишь к людям. Зевс, конечно, помахивал иногда молнией, но вел себя как мужчина, а не кастрат, увивался за красотками, донжуанил направо-налево, да и не он один, каждый с Олимпа внес свою лепту, даже богини не гнушались объятьями смертных, бывало, что и детей от них рожали, славных парней, которые бродили по грешной Земле, совершали подвиги, женились, становились предками других неплохих парнишек, например, того же Цезаря. И в остальном эти олимпийские ребята были просты и понятны, пили, гуляли, плели интриги, ссорились и мирились, осерчав, могли и пристукнуть, а возлюбив, буквально за руку водили, как Афина Одиссея... И каким же образом еврочеловек променял все это великолепие на унылую восточную религию? Этот вопрос всегда занимал Марго, однако, знакомясь со всякими объяснениями и обоснованиями, она не находила их достаточными. Рай? Но ведь и у древних греков был Элизиум. Champs Elysee... Без магазинов, правда, но ведь и в прочих вариантах рая их нет, может, потому и верующих становится все меньше, какому члену потребительского общества интересно быть сосланным навечно в место, где не торгуют, хоть у Христа за пазухой, хоть у Зевса в Элизиуме... Да, есть одно «но», те поля предназначались для героев, в отличие от христианского рая для посредственности... «блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное...». Ладно, допустим, вход в это заведение зарезервирован не только убогим, да и не только они в христианство записывались, и тем не менее одного рая и даже ада, которым пугали незаписавшихся, маловато... Неужто все-таки все дело в пиаре? Оно, конечно, пиар – главная движущая сила современности, человек – существо внушаемое, большая часть человечества, кажется, шестеро или семеро из десяти, гипнабельна, и в этом суть, как иначе объяснить возникновение нынешних кумиров, бесчисленных голых королей, чьими воображаемыми одеждами упиваются миллионы. Так почему бы не думать, что и в прежние времена... Остановись, Марго, сказала она себе, вспомни... И тут же возразила, да какого черта?! Что теперь, целыми днями размышлять на тему мадам с косой? Может, портреты ее рисовать или вылепить из пластилина, где-то, наверно, завалился кусок, когда-то Марго увлекалась лепкой, миниатюрные белые скульптурки до сих пор украшали книжные полки... Сотворить статуэтку, сама красавица, а вместо железной косы обычная, из волос, уложена узлом на затылке. Или венцом вокруг головы? И улыбка как у Моны Лизы... Своего рода новаторство, не в смысле красоты, у Пети, например, Смерть тоже молода и хороша собой, а в смысле косы. Хотя в сегодняшнем понимании новаторство – это если вместо ног колеса, а туловище заменяет унитаз... унитаза среди гениальных творений вроде не наблюдалось?... вот писсуар был, да... на Рождество Михкель подарил ей альбом с претенциозным названием «1000 гениальных скульптур»,

на две трети очень приличный, но в последней, пышно именуемой «новым временем», содержащий наборы шестеренок и болтов, велосипедные колеса, гамбургеры из папье-маше и прочие откровения творцов двадцатого столетия, по мысли составителей вполне достойные красоваться рядом с Микеланджело и Бернини, о всяких там Праксителях и Лисиппах речи нет, бронзовая бутылка с присобаченным к ней женским бюстом, вот чему должно с их Гермесами и прочими нибельмесаами конкурировать, так что унитаза – то, что надо... или унитазы устарели, и нужен на место головы процессор, а в качестве груди пара веб-камер? Ну а с косой как? Надо поразмыслить... В общем, не железная и не леди Маргарет, главное, не терять чувства юмора.

Придя к этому слегка скороспелому выводу, Марго включила компьютер, вошла в Интернет и стала сосредоточенно изучать основы онкологии.

Нельзя сказать, что прогулка по сайтам, посвященным онкозаболеваниям, культивирует чувство юмора или, по крайней мере, поддерживает его в прежнем цветущем или не очень состоянии. Нет, конечно, бодрые речи вещающих – письменно, разумеется, – в Интернете медиков отнюдь не напоминали последнее напутствие, напротив, тебя убеждают, что в наши дни Диагноз вовсе не приговор, что современные методы лечения обеспечивают выживаемость... словечко – просто конец света!.. в течение года... весьма утешительно... двух, трех лет... звучит заманчиво... и даже четырех-пяти... радость без границ!.. особенно если обратиться к врачу в начальной стадии заболевания... Но даже если у вас диагностировали терминальную, не отчаивайтесь, наука ныне творит чудеса... Вот-вот, раньше чудеса были прерогативой господ бога или хотя бы апостолов со святыми, а теперь их совершает человек в белом халате. Марго, впрочем, в чудеса не верила, правда, до терминальной стадии она пока вроде не дожила, хотя кто знает, ведь замотанная докторша в захудалой, хоть и дорогой частной поликлинике из инструментов имела при себе лишь руки да уши и заглянуть внутрь, дойти, так сказать, до самой сути, никак не могла... Марго поняла, что ее и так слегка поникшее за последние сутки чувство юмора начинает катастрофически увядать. Прямо на глазах. Как роза, опрометчиво купленная в цветочном ряду на улице Виру, принесенная домой и поставленная в вазу с водой. Она стала судорожно размышлять над тем, как оживить гибнущее растение... не розу!.. и сразу выплыл рецепт... «как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку и перечти «Женитьбу Фигаро»... А может, Джерома Клапку Джерома? Или Довлатова? У Довлатова тоже не было страховки, они с Михкелем себя этим обстоятельством подбадривали, в конце концов, чем они хуже, то бишь лучше... но Довлатову опять-таки повезло, он умер сразу или, по крайней мере, быстро... В черные мысли встрял Михкель, остановившись в дверях, он стал с наигранным оживлением рассказывать о проведенных за утро переговорах, кому только не звонил, и чего только ему не наболтали, да, действительно, теперь от этой дрянной болезни есть средства, и обычные, и альтернативные, во всяком случае, так легко на тот свет не отправляются, троюродная сестра, например, поведала о подруге, которая уже пять лет страдает, да не опухолью пошлой молочной железы, а куда более серьезной, и ничего, жива, приняла две или три химии, больше не делают, так она пьет водку напополам с подсолнечным маслом по методике какого-то украинца или белоруса и прекрасно себя чувствует.

– Водку с подсолнечным маслом? – удивилась Марго.

Дожили до светлого дня, шампанское заменили водкой.

– Надеюсь, ты не собираешься уговаривать меня присоединиться к адептам этого замечательного метода? – осведомилась она.

– Пока нет, – последовал решительный ответ. – Я найду что-нибудь получше.

Будущее время несколько успокоило Марго, но ненадолго, Михкель сразу же перешел к настоящему, объявив, что начать следует с визуализации.

– Чего-чего? – переспросила Марго.

– Только не говори, что тебе неизвестно значение этого слова!

– Значение мне, может, и известно, но как эта штукавина превращается в метод лечения, представляю плохо.

– Очень странно! При твоём воображении... Ты ведь можешь придумать целую планету. С лесами, морями, флорой, фауной и даже разумной жизнью.

– Могу, – согласилась Марго меланхолично.

– А заодно и параллельный мир или альтернативную историю.

– Ну и что?

– Так придумай и сюжет визуализации. Войну с пришельцами, например.

Идея Марго понравилась, пришельцев она, правда, отвергла, во всяком случае, космических, собственно, сценарий визуализации возник сам собой, где-то между волком и собакой, когда, полупроснувшись, она ворочалась в постели, осторожно, стараясь не разбудить Михкеля, но и неумно, дело обычное, коли уж сон прервался, то и лежать становится неудобно, и ноги-руки мешают, никак не приткнешь их так, чтобы не затекали, и подушку, то есть подушки, – их под головой у Марго было две, хоть и небольшие, толком не приладить, то высоко, то низко... Можно вообразить, какой шум подняли бы братья-политкорректяне, обнаруй она методы своей борьбы с прорвавшимся в ее незащищенную плоть врагом, а вернее, расскажи она о персонификации этого врага, ибо то был не кто иной, как мусульмане, против которых она еженощно затевала нешуточный крестовый поход. Армии рыцарей в белых одеяниях, перечеркнутых красным крестом... облик их Марго позаимствовала из «Ломбардцев», единственной видеозаписи четвертьвековой давности... кажется, перетрусившие европейцы даже «Ломбардцев» петь боялись, а вдруг мусульмане обидятся, начнут очередные флаги жечь и угрожать терактами... армии рыцарей или лимфоцитов, так называемых Т-киллеров, которых крестоносцы олицетворяли, стекались из всех уголков тела, окружали захваченное сарацинами пространство и шли на приступ – взбирались на возведенные агрессором стены, врывались внутрь, предавали все и всех огню и мечу. Полную победу одержать было трудно, черные, закутанные с ног до головы в балахоны, размножались быстро, но Марго отчетливо представляла себе и отдаленную цель: отвоевав захваченную территорию, распахать ее и посыпать борозды солью, как то сделали римляне с Карфагеном... Иногда она вспоминала, что под балахонами обычно скрываются женщины, скрываются или заточены в балахоны, как в тюрьму, в одиночные камеры, которые носят на себе, на минуту ей становилось жалко угнетенную половину исламского мира, но немедленно же приходили на ум... нет, маячили перед глазами зрительные образы, прочно запечатлевшиеся в мозгу, оружие и пляшущие от радости бабы в черном тогда, 11 сентября... а что уж сказать о террористках, ценой собственной жизни разносивших в клочья самолеты и вагоны метро... если раб сам борется за свое рабство, что толку его жалеть?.. Правда, от восстаний рабов тоже пользы было мало, рабство исчезло лишь тогда, когда стало экономически неэффективным. А вот мусульманское рабство – с подачи европейцев! – неожиданно повернулось экономически выгодной стороной, Марго вспомнила недавний шум во Франции вокруг некоего араба, обзаведшегося несколькими женами, француженкой в том числе, которые рожали детей, получали на них пособия и передавали деньги племенному производителю. Почти то же, что держать ферму, но если для того, чтобы заработать на телятах или ягнятах, их надо сначала вырастить, то за человеческих детенышей платить начинают сразу... На самом деле главное лекарство от этой беды – противозачаточные средства. Противозачаточные средства – главное изобретение человечества в двадцатом веке, само оно этого еще не поняло, упивается информатикой-электроникой, но если что-то и убережет нас от голода и холода, а нашу планету от окончательного превращения в мусорную свалку, так это противозачаточные средства. Ведь и настоящие Крестовые походы были следствием ситуации, когда надо куда-то сплавить излишек населения. До недавних пор положение в какой-то мере спасала детская смертность, но с тех пор, как медицина неудержимо пошла в рост...

Конечно, у всего есть обратная сторона, и вообще человек не способен вовремя остановиться, нигде и ни в чем; пожалуйста, по всей Европе повышают пенсионный возраст, люди рвут глотки и волосы на голове, ведь цель жизни большинства европейцев – как можно меньше работать и как можно больше получать, никто не дает себе труда осознать, что дело в процессе, который высоконаучно называют планированием семьи. Если у тебя нет потомства, кто тебя должен на старости лет кормить-поить? Или, как говорят в Армении, кто тебе подаст стакан воды? Возможно, конечно, что где-нибудь через полвека все это приобретет-таки характер разумный, будут рожать по двое-трое детей, и все наладится? Но нет, трудно ожидать, чтобы человечество вело себя разумно... Хотя в данном случае она и себя причислить к разумным не могла, у нее не было детей. Почему? Конечно, когда они с Михкелем поженились, ей было уже не восемнадцать лет и даже не двадцать восемь, но что с того, движимые материнским инстинктом женщины и в пятьдесят рожают, одна из ее сотрудниц вышла замуж в сорок, а в сорок пять квохтала уже над тройкой малышей, ходила с сияющим лицом и твердила, какое это блаженство, дети, очаровашки, ангелочки, конфетки... Возможно, у нее, у Марго, материнский инстинкт был недоразвит. Нет, разумеется, появившись у нее ребенок, она наверняка относилась бы к нему как должно, но вот обзавестись таковым не рвалась. Так уж вышло, что она сложила все яйца в одну корзину. Если б еще Михкель стремился занять очередного наследника... но, во-первых, оставлять в наследство ему было особенно нечего, на счету у него даже жалкого миллион крон, грозящего в следующем январе и вовсе обернуться несколькими десятками тысяч евро, не лежало, к тому же наследники у него уже наличествовали, от предыдущих браков; к счастью, бывшие жены давно нашли новых мужей, от которых детишки могли ждать наследства, такая теперь жизнь, многодетные семьи сменились многодетными... Да и какой смысл производить на свет ребенка, если воспитать его не в состоянии; что может самая усердная мать в мире, увешанном рекламными плакатами, на которых обиженные малолетки швыряют в родителей мобильниками, требуя новые, посовременней; где на магазинах красуются лозунги «наслаждайся детством»; где стайки первоклассников бегают по супермаркетам, а шлепни по попе собственное дитя, тебя повлекут в суд с его же подачи... И если даже не повлекут и удастся малыша – пока он при тебе – более-менее цивилизовать, то в школьные годы слой с таким трудом... если вспомнить про телевидение и вездесущий Интернет, в который влезают, еще не выбравшись из колыбели... слой с таким трудом нанесенного лака начнет неумолимо сползать, и в итоге на свет выйдет Подросток, существо совсем уже невыносимое, сочащееся матом из всех, кажется, пор... напротив, через улицу, стояла русская школа, после уроков ученики почему-то скапливались у их подъезда, и проходя мимо них, Марго обычно затыкала уши, ощущение, что иных слов мальчики, да и девочки, просто не знают... Правда, эстонские дети, возможно... возможно, и однако маловероятно, словом, черт с ним, со стаканом, лучше умереть от жажды, нежели стать дето- или самоубийцей...

Взгляд Марго упал на настенный календарь, купленный в прошлом году в Италии, она уже много лет возила их из тех стран, куда удавалось съездить, то бишь слетать, поскольку билеты на поезда со спальными местами даже в Москву стали стоить целое состояние; собственно, иных тут и не ходило, а путешествия на автобусе они с Михкелем считали уделом юных; так вот отовсюду она прилетала с каким-нибудь календарем, память и как бы залог новой поездки, вешала его на кухне, рядом с прочими сувенирами соответствующего облика, в основном то были изразцы – севильский азулехо, полуабстрактные Дон Кихот с Санчо Пансой из Толедо, изображения городов и весей, больше городов, к весям она относилась прохладно, ощущая себя неотъемлемой частицей урбанистического мира... А на кухне поскольку, как любая не пренебрегающая мужем, а следовательно, готовкой женщина, проводила в этой части квартиры немало времени. Нынешний календарь, посвященный итальянской живописи, был раскрыт на страничке с единственным полотном Микеланджело, тем, что висит в Уффици... Она печально вздохнула, они собирались весной во Флоренцию, не на три дня, как в прошлый

раз, а на девять-десять, а теперь... Теперь, наверно, шансов туда вернуться не больше, чем у Данте, скорее, ей удастся попасть в иные описываемые им места... фигурально выражаясь, конечно, Данте, как и всякий нормальный писатель, приспособил своих врагов в самые невыносимые местечки, какие мог изобрести; вряд ли они таковы в действительности... какой действительности, ты, Марго совсем тронулась, в сумасшедший дом решила завернуть по дороге на кладбище?... Хуже всего... ну не всего, допустим, но тем не менее... что пострадала сестренка, которая должна была их во Флоренцию сопровождать. Марго и так постоянно мучила совесть, что она как бы сбежала от домашних проблем, усугубляемых на тот момент общенациональной невнятицей, оставив сестру заботиться о родителях; она положила себе целью хотя бы показать ей мир, не весь, конечно, а малую его часть, того заслуживающую, но не успела даже перейти ко второму пункту намеченной программы, он же населенный пункт, как грянула... ну не буря, но... музыка с шопеновским привкусом, скажем так. Воистину они «не верхи на колпаке Фортуны»... да даже не «низы ее подошв», Фортуна тут и близко не ходила... Хотя это перебор, нечестно, Марго, кто же тогда привел к тебе Михкеля... Через тысячи километров, это была та еще работенка, вот она и решила, сумасбродная богиня, что больше ничего тебе не должна...

– Не бойся, – сказал Михкель, появляясь вдруг за ее спиной, – я тебя никому не отдам.

Под «никому» подразумевалось, видимо, «ни богу, ни черту»; насколько оно было выполнимо, неизвестно, но Марго это заявление странным образом успокоило, она повернулась и уткнулась мужу в грудь – лицом, поскольку доставала ему только до плеча.

Земля была сухая, утоптанная, пыльная, сизые тучи висели низко над бесконечной, чуть-чуть волнистой – не холмы, не пригорки, а лишь легкие неровности – равниной. Не жарко, но душно, ни малейшего дуновения, полумрак, то ли предзакатный, то ли сумеречный, и все вокруг серое – небо, земля, люди... множество людей в длинных бесформенных одеяниях, из-под которых выглядывают босые, посеревшие от пыли ступни, бредет по этому необозримому пространству... Куда?

– Хуже всего, что здесь никогда ничего не происходит.

Глубокий голос, высокая фигура, над потрепанной серо-черной хламидой алебастрово-белый лик Гигиен... Неужели эллинские скульпторы не создавали образ идеальной красоты, а ваяли реальных женщин?

– Хоть бы небо разверзлось, ударила молния, хлынул ливень... Случился потоп, пожар, землетрясение!..

Марго содрогнулась, о землетрясениях она знала не понаслышке.

– И не с кем поговорить. Ни одного знакомого лица.

Марго хотела спросить, а почему нельзя поговорить с незнакомыми, но женщина отвернулась, шагнула в сторону и словно растворилась в толпе... нет, не толпе, у толпы есть одно неотъемлемое свойство, она кажется единым целым, а эти люди были сами по себе, рядом, но врозь, может, потому что шли в разных направлениях или смотрели куда угодно, но только не друг на друга? Собственно, никуда они не направлялись, шли, сворачивали, возвращались, хаотическое движение без цели, без конечного пункта, куда идти там, где ничего нет... Совсем ничего? Она огляделась и заметила в нескольких шагах от себя дверь. Странную дверь, не в стене, а стоявшую отдельно посреди равнины, дверная рама и крупная, тяжелая на вид створка, плотно прикрытая, только внизу виднелась тонкая, как проволока, полосочка желтого света. Она подошла, потрогала, никакого обмана, крепкое, хорошо обструганное дерево, толкнула, и дверь отворилась, за ней оказался неширокий, но длинный зал, без окон, однако заполненный светом, лившимся сверху, откуда именно, было не разглядеть, свет словно клубился, как густой желтый дым, скрадывая очертания потолка и верхней части стен. А нижняя была обшита деревянными панелями, по цвету дубовыми, отполированными гладко, но не до блеска. Дубовый же

стол стоял торцом к двери, один длинный или придвинутые вплотную друг к другу несколько, он уходил вдаль, в глубь помещения и был уставлен блюдами с едой, кувшинами... нет, амфорами, чернофигурная керамика... амфорами и кубками музейного вида, по обе стороны теснились деревянные опять-таки кресла, в которых сидели, вольготно развалившись, большие плечистые мужчины, полуголые, в белых хитонах, кое-где проглядывали и высокие женские прически. В воздухе висел слитный гул голосов, перебивавшийся выкриками, откуда-то из глубины зала доносилось пение под аккорды некоего струнного инструмента. Марго вгляделась в пирующих... Так и есть, все они были здесь, и Геракл, и Тесей, и Диоскуры, и Ахилл... Или это не он? Смутно помнилось, что Ахилла после смерти спровадили на остров блаженных где-то в устье Дуная... ничего себе местечко для блаженства!.. к тому же компанию ему составила, чуть позже, разумеется, но зато навечно, Елена Прекрасная... Спрашивается, какого черта надо было разлучать ее с мужем, да еще таким, который устроил ради дражайшей супруги целую Троянскую войну... вот дунайским островитянам ничего не грозит, после смерти не повоюешь... Как же этим буйным ребятам должно быть скучно... так и есть, ни мечей, ни щитов, и веселье какое-то натужное, особенно печальный вид у предполагаемого Ахилла... А почему она решила, что мрачный великан – Ахилл? Диоскуры понятно, близнецы, и шапочки те же, что на статуях наверху Кордонаты у входа на Капитолийскую площадь... А остальные... Впрочем, во сне человек знает много такого, о чем не ведал наяву... Так это сон? Тогда неудивительно, что никто не заметил ее прихода... Как и ухода. Она осторожно закрыла за собой дверь и ступила в пыль. А где же обещанные асфодели? Должно бы быть красиво, черные лилии, бархатные лепестки, возможно, желтые тычинки... Ерунда, их бы давно вытоптали... то есть так оно, наверно, и случилось, возможно, вначале... Значит, здесь все-таки что-то меняется, может, когда-нибудь и дождь пойдет... И гром грянет... Он и грянул. Но то был не гром, а дверца, автомобили стояли во дворе тесно, как кресла в Элизиуме, и перед тем, как расползтись по окрестностям, расправляли члены, хлопая дверцами, разминая колеса и выпуская легкий рык, стало быть, начинался новый день... Что день грядущий мне готовит, подумала бы она, если бы не знала что.

Семейный врач повела себя, на взгляд Марго, безукоризненно, никаких тебе причитаний и рассуждений на тему потерянного времени, вот когда порадуешься эстонскому характеру, будь докторша русской, наверняка засыпала бы поучениями и попреками, где вы до сих пор были, как же можно, вроде бы образованный человек, и так далее, и тому подобное, эта же только послушала более чем сдержанный репортаж Марго, посмотрела сначала на отекающую руку, потом на листочек, куда маммолог из частной поликлиники щедрой рукой вписала аж стадию 3В, и немедленно взялась за ручку... Или за мышку? Поди упомни... В любом случае, обещала сегодня же оформить все необходимые бумаги и отослать. И действительно оформила и отослала, и почти столь же молниеносно Михкель... она даже не слезла с дивана, муж пошел по инстанциям сам, но ходил недалеко и недолго, раз-два, и из здорового человека – остеохондроз или гайморит Марго болезнью не считала – она превратилась в инвалида, обеспеченного медицинской страховкой. Интересно, подумала Марго, узрев сакраментальный документ, отправься она к врачу в той самой ранней стадии, стали бы вокруг нее суетиться, как на пожаре? Сомнительно. Впрочем, в онкологии работали люди более закаленные, там очень уж торопиться не стали, пару недель на ожидание все-таки отвели.

Сказать, что задержка приводила Марго в отчаянье, было бы явным преувеличением, как-никак она боялась лечения куда больше, чем болезни, и любая оттяжка представлялась ей благом, да и узнать с ошеломляющей точностью, что ей осталось сколько-то там месяцев... недель все-таки вряд ли... она вовсе не рвалась. Хотя внешне она на страуса не слишком походила... правда, шея у нее была достаточно длинная, но ноги отнюдь не жердеобразные, не то чтобы она годилась в ренуаровские натурщицы, но и кахексией... во всяком случае, пока... не страдала... словом, не имея со страусами ничего общего по облику, душой она, видимо,

была этим птичкам сродни, голову в песок – и привет. Песок в данном случае заменяли буквы, Бомарше она снимать с полки не стала, но погрузилась в чтение детективов, стараясь плавно переходить от одного к другому, не поднимая головы или не вытаскивая ее из песка, как угодно. В соблюдении процедуры оказались свои сложности, триллеров она терпеть не могла, а произошедшая в последние годы сплошная триллеризация жанра не оставила от него и палисадничков, пощаженных когда-то даже сплошной коллективизацией, к тому же все эти остросюжетные романы были невыносимо скучны... скучный детектив!.. вроде бы натуральный оксиморон, и однако суровая реальность. Немногие же бледно цветущие на этой обильно удобренной кровью и прочими биологическими жидкостями ниве, как невыполотые еще сорняки, произведения якобы в духе классического детектива, являли собой жалкое подобие известных образцов. Положение усугублялось и тем, что писатели-криминалисты стали невероятно болтливы, они заполняли толстые тома словами, призванными, по мысли авторов, обрисовать характеры либо сделать выдуманные ситуации жизненными, а на деле замаскировать убожество сюжета, так что в итоге пришлось обратиться к книгам, уже когда-то прочитанным. Агату Кристи она знала почти наизусть, близко к тексту Гарднера со Стаутом, а в библиотеке, где все смешалось столь же беспорядочно, сколь в той каше, которую ныне называют литературой, в коей дамские романы и боевики на равных соседствуют с Бальзаком и Прустом, а детские сказочки превратились в основной ингредиент, найти что-либо читабельное было трудом практически непосильным. Но, в любом случае, даже перечитывать нечто, знакомое до слез, было лучше, нежели обсуждать собственное здоровье или нездоровье с сочувствующими, – будь на то ее воля, она скрыла бы Диагноз и от друзей, и от врагов. Последних, впрочем, она не знала, может, их и вовсе не было, вряд ли при столь малом участии во внешней жизни она могла вызывать в ком-то зависть или ненависть, а друзья – да, имелись, но в невеликих количествах и в основном неблизко, и так необщительная от природы, она еще вольно или невольно оказалась в своего рода изоляции, поскольку к телефонам относилась враждебно с самого рождения, писать письма тоже не очень любила, от руки особенно, ибо и без того свои тексты излагала вручную, допотопным, по мнению большинства современных бумагомазак, методом, утомляя пальцы и глаза, «емельки» еще куда ни шло, но и тут имела завычку, в «почтовый ящик» она заглядывала не каждый день, а ведь электронный монстр того и ждет, двадцать четыре часа тебя не видел и тут же начинает требовать «визуальной верификации», пароль, который известен одному тебе, для него ничего не значит, а нелепые каракули, которые открыты всем, почему-то считаются панацеей от любопытных, и никто ведь не спрашивает тебя, хочешь ли ты, чтобы твою переписку, как шкатулку с драгоценностями, ограждали рядами нечитаемых букв, своего рода виртуальной колючей проволокой, нет, ее просто протягивают, не интересуясь, с какой стороны остался хозяин ларца, словом, современная цивилизация создает новые возможности для садистов, Интернет вроде избавляет тебя от контактов со всякими чиновниками, но вот пожалуйста, не можешь не только прочесть полученные письма, но даже, фигурально выражаясь, взяться за перо. Марго, во всяком случае, не могла, каракули вызвали у нее отвращение и даже ярость, иногда Михкель терпеливо «вскрывал» ее почту, но каждую минуту отрывать человека от работы не будешь, а там и желание кому-то черкнуть пару строк пройдет безвозвратно. Так что держать в тайне свалившуюся на нее напасть не представляло труда, она и держала, и не из страусовой политики, а просто Марго терпеть не могла болезней, и ей невыносима была мысль, что ее будут жалеть. Потом пожалуйста, если вам будет благоугодно, проливайте слезы над могилкой, но не теперь, потому она пряталась, на телефонные звонки не отвечала, а случайные встречи на улице ей не угрожали, ибо зима продолжалась, снег валил и валил, и выходить из дому было пыткой, разумеется, она себя заставляла, но дальних прогулок, как летом, они не совершали, Михкель и сам зиму не жаловал, а уж Марго тут была согласна с Данте на все сто, – неудивительно, что наихудшее местечко в аду тот изобразил в виде какой-нибудь Скандинавии. Собственно, для итальянца оно естественно, не случайно ведь зима по-

итальянски *inverno*, почти *inferno*, кто знает, может, именно это созвучие и вдохновило его на водворение в ад льда и прочих зимних красот, ведь по правилам в преисподней должно быть жарко... Красот! Ха! Что красивого в унылом зимнем пейзаже находят люди, Марго понять не могла, снег она ненавидела, всегда, всю жизнь, с младенчества, видимо так, хотя, когда однажды сестра ее лукаво спросила, как насчет катания на санках в раннем детстве, она придумалась, в памяти, как водится, всплыл давно позабытый эпизод: в возрасте весьма нежном, вроде дошкольном, она играла с двоюродными братом и сестрой, почти ровесниками ей и друг другу, в снегу, санок не помнила, но снег – да, был, однако этот краткий кадр сразу заслонили картинки, полные кидающихся снежками мальчишек... Снежки, скользкие дороги, сугробы... Зима напоминала ей больницу, все холодное, монотонное, отталкивающее, свисающие с крыш полы белых простынь, белый кафель под ногами, разве что не нарезанный квадратиками, и везде вата, чистая или запачканная, много, кучи, курганы... перевязочный материал... как она боялась хирургов, всегда, думала, что лучше умереть, чем попасть на операционный стол...

Она поглядела в окно, снег шел и шел, торчавшие вверх ветки деревьев в сквере через дорогу, как раскоряченные пальцы, впивались в небо, словно пытаясь сдернуть с него выцветший от бесконечной стирки тусклый белесо-серый покров, безнадежное предприятие... Надо заметить, со стороны «доброго боженьки» достаточно подло портить ей последние, вероятно, месяцы... хотя это как посмотреть, можно ведь и иначе взглянуть на ситуацию, после такой зимы еще одной не захочется и умереть не жалко... Так они, верующие, и поддерживают в себе вечное горение, ведь любую пакость всевышнего можно повернуть ему же на пользу, все зависит от трактовки. Собственно, в том же разрезе можно было рассмотреть и более глобальную проблему, создаваемую мерзким членистоногим, которое, пристроившись на краешке груди, скребло клешнями ее ребра, пытаясь пролезть в грудную клетку и там уже порезвиться вдоволь... Если еще не пролезло и не резвится, пожирая заодно со злополучными легкими и отпущенные ей дни... Откровенно говоря, дожить до глубокой старости Марго никогда не мечтала, тем более что в ее роду имелись люди, которых такое несчастье постигло, и повторить их незавидную судьбу она вовсе не рвалась. Однако перспектива углубиться в старость настолько, чтобы подцепить ныне витиевато называемый болезнью Альцгеймера маразм, выглядела не такой уж близкой и потому не столь угрожающей... Тем не менее она не роптала бы, уготовь ей «добрячок» участь не столь противную, а ниспослав какой-нибудь обширный инфаркт или иной легкий и быстрый конец. Впрочем, даже у нынешней ситуации было одно неоспоримое достоинство: можно было не бояться, что она переживет мужа.

– Выходить будем? – поинтересовался Михкель из соседней комнаты.

– А сколько градусов? – спросила Марго обреченно.

– На термометре минус три.

Марго вздохнула. Минус три на термометре за окном это в реальности все пять. Но что делать! Утрату найтеплейших сапог в определенной степени компенсировали ботинки просто теплые, при минус пяти в них было вполне еще комфортно.

– Только далеко не пойдем, – сказала она, и Михкель бодро согласился.

В подъезде было довольно холодно, раньше там стоял радиатор... собственно, существовал он и теперь, но не прогревался, что-то с ним такое проделали, дом экономил. А под почтовыми ящиками валялись разноцветные листочки, не осенние листья, а рекламные буклеты и просто странички с красочными картинками, кто-то в подъезде, как обычно, демонстрировал то ли высокую интеллектуальность, то ли зажиточность, позволявшую пренебречь всякими жалкими скидками, кто именно, никто, кроме досточтимых демонстраторов, знать не мог, но это их, видно, не волновало, им достаточно было самим сознавать свои преимущества, а почему плодами их самодостаточности должны были любоваться соседи, а подбирать их уборщица, к рекламе никаким боком не причастная, значения для них не имело. Очередное проявление того, что Марго про себя называла евросвинством. Словечко возникло в поезде

по дороге из Флоренции в Пизу: на промежуточной остановке, в Прато или еще где-то, в полупустой вагон ввалилась шумная англоговорящая компания, парни – собственно, и девушки от них не отставали – шлепнулись в кресла и немедленно водрузили ноги в грязных кроссовках на сиденья напротив, между прочим, обитые тканью. Нельзя сказать, что это были первые попутчики такого рода, наоборот, вполне типичные молодые люди. Евролюди. О да, свободный еврочеловек не считается с условностями и знает свои права, в частности, на комфорт. При этом право другого человеческого существа на чистое сиденье игнорируется весело и полностью. Впрочем, что значит чистое сиденье для того, кто во весь рост растягивается на мостовой, сколько в европейских городах площадей в пешеходной зоне, где в пыли, если не в грязи валяются молодые люди обоего пола. Которые наверняка, придя домой, в той же самой одежде бросаются на кровать. Человек – существо небрезгливое, чему, учитывая его происхождение, удивляться не приходится.

– Глобальное потепление в действии, – произнесла она традиционную фразу этой зимы, когда тяжелая дверь за спиной мягко чмокнула, самозапираясь, и ледяной ветер ударил в лицо.

Михкель усмехнулся.

– На днях очередной саммит, – сообщил он.

– Жалко, не здесь, – буркнула Марго. – Обсуждать глобальное потепление в условиях ледникового периода было бы особенно пикантно.

– Ничего особенного нет, – сказал Михкель небрежно. – Это входит в их игру.

– В смысле?

– Твой ледниковый период тоже свидетельствует о глобальном потеплении, – пояснил Михкель. – Можешь потом ознакомиться с их выкладками. В Интернете. Коли есть охота.

Охоты у Марго не было. Пока на выкладки дают деньги, они будут. Пока дают деньги, и пока есть доверчивые или внушаемые персонажи, готовые подкреплять чужие выкладки собственными глотками или кулаками. Она вообразила себе стайку голеньких, в плавках или бикини, босых активистов чего-то там... античегонибудистов, пляшущих с плакатиками на снегу... Ее всегда занимало, где эти ребята берут деньги на свои поездки, зачастую весьма дальние, и где они работают или, скорее, числятся, ведь ни один серьезный работодатель не будет держать в штате человека, который вечно где-то мотается. Может, и нигде, может, эти девочки-мальчики нечто вроде профессиональных революционеров, как Владимир Ильич и его компания, а Саввы Морозовы всегда найдутся... Бог с ними. Она натянула на голову капюшон и взяла мужа под руку.

Онколог оказался крепеньким эстонским мужчиной среднего роста и возраста и совершенно невозмутимым к тому же, он только еле заметно хмыкнул, когда Марго с легким смущением призналась, что ходит с *этим* почти два года, это хмыканье трудно было бы назвать неодобрительным, так, принял к сведению, но она все-таки попыталась объяснить, начала сбивчиво рассказывать, как оно возникло, маленькое красное пятнышко, легкая припухлость, похоже на воспаление, сначала она даже подумала, что это фурункул, а буквально через день образовалось уплотнение с орешек, лесной, чуть ли не на глазах превратившийся в грецкий, и с тех пор не растет, напоминая кисту, несколько лет назад у нее была киста щитовидки такого же вида и вела себя так же, была и прошла, рассосалась, исчезла, почему бы не надеяться, что и *это*... Он то ли выслушал, то ли нет, у Марго было впечатление, что пропустил мимо ушей, наверно, наслушался подобных рассказней выше головы, спросил насчет руки... тут у нее оправданий не было, такое за кисту не примешь, она и не принимала, просто сначала Михкель подцепил свиной грипп, потом близились Рождество и Новый год, не портить же праздники... это, конечно, отговорка, к Рождеству она была равнодушна, да и Михкель относился к нему без особой страсти, а что в нем такого особенного, всего лишь общий праздник для тех, кто не в состоянии создать свой собственный... в любом случае... Рождество, потом соба-

чий холод, ходить в такую погоду по врачам... Откровенно говоря, у нее просто не поворачивался язык, как скажешь любимому человеку... Словом, она тянула, сколько могла, но рука донимала все сильнее, и пришлось... Что? Огорчить? Ошарашить? Нанести удар? Экстраполяции, конечно, вещь неблагодарная, всегда можно попасть пальцем в небо... аналогия, что и говорить, странная, ведь это именно тот случай, когда точность попадания гарантирована... И однако она пыталась поставить себя на место мужа, поняла, что ей узнать такое про себя куда приятнее, чем про него, стало быть, и ему...

Всего этого она онкологу, естественно, говорить не стала, тем более не заикнулась о том, как обнаружила отек: хотела пощупать пульс, нажала, потом убрала пальцы и вдруг увидела явственные ямочки на запястье, посмотрела внимательнее, и... как написал бы графоман, «словно чья-то ледяная рука стиснула сердце»... и вправду сердце то ли сжалось, то ли остановилось на миг...

Пока в голове у нее был весь этот сумбур, онколог изучал предмет обсуждения, потрогал, подергал и заключил, что он вполне подвижен и, следовательно, операбелен, вот, правда, рука... Ну что ж, обследуем, посмотрим, начнем прямо сейчас, заполнил несколько бумажек, и Марго отправилась в хождение... ну не по мукам еще, а по мелким неприятностям типа сдачи крови из вены или биопсии.

В передовой Эстонии о результатах обследования узнают по телефону, странно, что не по Интернету, но и до этого, кажется, недалеко. Впрочем, это куда лучше, чем таскаться через весь город в онкологию, сидеть в очереди, тупо рассматривая... если, конечно, не хочешь общаться с товарищами, вернее, товарками по несчастью, чего почему-то не желает никто, очередь молчит, уставившись туда же, в потертый линолеум, дощатые двери, беленые стены, увешанные плакатами, с садистической живописностью изображающими стадии того самого заболевания, о котором лучше не думать, чтобы не спятить, немногим веселее глядеть на объявление, предлагающее услуги парикмахера в прямом смысле слова, то бишь мастера, который делает парики из волос искусственных (дешевле) и натуральных (дорого). Не хватает только рекламы похоронной конторы и адвокатского бюро... не забудь про завещание, Марго... Завещать ей, собственно, было нечего, ни недвижимости, ни денег, ни драгоценностей, не рукописи же свои навязывать безвинным наследникам... Так что будь даже рядом с координатами парикмахера адреса всех адвокатов мира... Но ни на скромных белых или, точнее, черно-белых, побывавших в принтере, листах формата А4, ни на цветных, более того, красочных плакатах таких не значилось, зато присутствовала, вне объявлений, конечно, но по соседству, живопись натуральная, огромное панно, где в серо-буро-малиновом колорите был представлен завтрак, а может, ужин, не на траве, правда, а за столом, но художник знал о Мане не понаслышке, весьма одетый, чуть ли не в пальто, мужичонка соседствовал с обнаженной натурой... Панно, плакаты и дверь в больничную аптеку, мол, есть у нас и лекарства, не только диагнозы ставим, но и лечим... В любом случае, Марго по всему этому не скучала, так что модус операнди эстонских медиков был ей более чем по сердцу.

Звонить следовало после десяти утра, но Михкель предпочел сначала позавтракать, в чем Марго была с ним всецело согласна, неизвестно ведь, сохранится ли после предстоящей беседы хоть какой аппетит, впрочем, его не было и так, они вяло пожевали свои тосты с сыром и творог с вареньем, а потом... Потом Михкель сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и ручку и взялся за телефон, а Марго, помявшись, удалилась в ванную, сняла со стены большой таз, пустила в него тонкой струйкой, дабы дольше текло, воду и стала сыпать в нее стиральный порошок. Это был ее вариант эскапизма. Стирка, уборка. Стряпня. Простая честная жизнь домохозяйки. Никаких претензий на мировое господство, прижизненную славу и прочие эфемерные ценности.

Она набрала воду, развела порошок, кинула в таз пару завалявшихся в бельевой корзине маек, из-за ее приверженности методу стиркотерапии та обычно пустовала, потом устыдилась, что оставила мужа один на один со вселенским злом, и вернулась в комнату.

– Легкие чистые, – сказал Михкель, едва она показалась на пороге, и Марго судорожно вздохнула, ибо смерть от удушья отменялась, по крайней мере, на ближайшее время.

Больше он отрываться от разговора не стал, слушал и машинально кивал, только когда положил трубку и повернулся к ней вместе со стулом, сказал, что опухоль да, есть, в чем для Марго ничего нового не было, она могла любоваться выразительной выпуклостью чуть ниже ключицы хоть в зеркале, хоть без, да и лимфоузлам полагалось обнаружиться в большом количестве... собственно, не лимфоузлам как таковым, а пораженным тем же вселенским злом... но их оказалось всего один, а она ожидала, что будет целая гроздь, похлеще виноградной.

– Один? – переспросила она недоверчиво.

– Один.

– Огромный, наверно.

– Не очень. Два сантиметра.

Марго раздвинула пальцы, примериваясь, вышло внушительно, но не сногшибательно, неужели такая штукавина может настолько нарушить лимфоток...

– А биопсия? – поинтересовалась она.

– С биопсией придется подождать, ответ будет только через неделю.

– А этот... онкомаркер? Повышен, конечно?

– Повышен, – сказал Михкель спокойно или изображая спокойствие. – Но не так уж сильно, бывает куда хуже. Сорок восемь всего, а случается, до ста доходит.

– В общем, все хорошо, прекрасная маркиза, – подвела итог Марго и вернулась к своей стирке.

Солнце слепило... нет, не было никакого солнца, только невыносимо яркий свет... Марго вспомнила Венецию, она забыла, то есть даже не забыла, а почему-то не сочла нужным прихватить солнечные очки, и, как только они сошли с вапоретто на набережной в полукилометре от Дворца Дожей, у нее буквально потекли слезы, хотя было пасмурно, ни лучика не просачивалось сквозь плотные белые облака, светилась словно сама лагуна, воздух наполнился неким сиянием... Но тут не было лагуны, не было Венеции, разве что в ней самой, Марго могла видеть Венецию внутренним взором когда угодно, и даже воображаемый вид, ведут, как сказали бы итальянцы, вызывал у нее натуральный синдром Стендаля, слезы наворачивались на глаза и перехватывало дыхание, боже, какая красота, какая неопишуемая красота... И однако, хотя здесь не было ни Венеции, ни солнца, свет был, слепящий, вызывавший боль в глазах, шедший непонятно откуда... Может... Неужели снег? Земля была устлана белым, пышным, пушистым... но нет, от нее не тянуло холодом, ноги в легких не по погоде... таллинской, конечно... туфельках не мерзли... Вата? Нет, та матовая, а это посверкивало цветными искорками... Марго наклонилась, потрогала... Вроде снег, только теплый. И не мокрый. Это ее почему-то не удивило, она лишь пожалела, что опять оказалась без черных очков, да еще там, где их не купишь, даже за десять евро, как самые дешевые в Венеции китайские, оправа которых лопнула через пару недель, но довольно быстро глаза привыкли к свету, и она разглядела в некотором отдалении от себя людей, множество, все в белых одеяниях, большинство сидело или лежало на странном теплом снегу, кое-кто пил из прозрачных кружек белую жидкость, молоко, наверно... молочные реки, кисельные берега, вспомнилось вдруг... киселя, правда, никто не ел, вот мороженое да, разного вида, в вафельных стаканчиках, на палочке, натуральное эскимо советских времен, покрытый шоколадной глазурью цилиндрик... Она сама не заметила, как подошла поближе, настолько, чтобы разглядеть руки и лица... руки держали еду-питье или покоились бездейственно, на лицах в основном скука... И еще звучала музыка, тихая

музыка сфер, Бах, конечно. А посреди всего этого благолепия высилась неподвижная фигура в полтора эдак человеческих роста, от которой как будто и исходил сей непонятный свет. Марго подошла, посмотрела... ну да, «пребудете со мной», так ведь в Библии... Походил Христос больше всего на лежащего себя от Мантеньи, стоял и помалкивал, и никто на него внимания не обращал... Тут раздался жуткий грохот, не природного катаклизма отзвук, а рукотворного, такого шума, как человек, никакой громовержец устроить не способен, завывали далекие динамики, заверещали микрофоны, и вся масса курортников, так они выглядели, вдруг пришла в движение, отдыхающие повскакали и ринулись на звук... Что-то типа «цирк приехал!». Взвихрился поднятый в воздух полами белых одежд снег, замелькали босые ноги, а один из бегущих налетел на монументального Христа и... промчался сквозь него.

– Голограмма, – сказал кто-то язвительно, Марго обернулась, перед ней стоял горбоносый человек, в котором она сразу узнала Данте Алигьери.

– Как? – пробормотала она, удивленная больше познаниями поэта в современной науке, нежели прочим, он причины ее потрясения не понял, а махнул рукой, гляди, мол, и она узрела на пустом пространстве, образовавшемся после великого исхода, стоявшие или, скорее, расставленные с промежутками в несколько сот метров голограммы. Логично. Вас много, я один... или он один?.. подумал, наверно, создатель этого курорта и волей-неволей занялся физикой, то-то и оно, не надо давать опрометчивых обещаний...

– А где Беатриче? – спросила Марго нельзя сказать, чтобы очень деликатно, Данте, правда, не обиделся, только плечами пожал.

– Бог весть. Тут ведь уйма всякого, даже за вечную жизнь не обойти.

Да, разумеется, молочные реки и кисельные берега, в реках и купаются, и молоко из них черпают, о киселе лучше не думать, месят небось ногами, пусть и не грязными, все едино, никакого намека на гигиену... но стоит ли заикливаться на продуктах питания, наверняка там есть что-то еще, что?

– Но бог-то весть, – сказала она. – В курсе то есть. А спросить нельзя? Или информации здесь не дают?

– Нет, отчего же, – вздохнул Данте. – Спросить можно. Только...

Он не продолжил, но Марго и так поняла, кому охота встречаться с юношескими любовями, она сама бы из рая в ад от иных сбежала, а уж от идеальной чем дальше, тем лучше.

– А что тут еще есть? – сменила она благоразумно тему. – Молочные реки?

Данте поглядел озадаченно, и до Марго наконец нашло, что она напутала, никаких тут молочных рек нет и не было, – было... что? Она поднатужилась и припомнила прочитанную где-то фразу «ярусы, населенные ангелами». Сразу вообразился оперный театр, партер, окруженный ложами, рядов в восемь-десять, красный бархат, позолота, лепнина, хрустальная люстра под расписанным Микеланджело или Рафаэлем потолком, сияющие лица и биение лебединых крыл, непонятно только, кто такие ангелы, праведники или исконные крылатые... Она хотела уже спросить Данте, не похоже ли это место на Ла Скала или иной подобный театр, но вспомнила, что бедняга Алигьери знать не знает, что такое опера, не было в его время таковой. А может, здесь есть? Полюбопытствовала, Данте только головой качнул, вот беда, ничего у них нет.

– А чем вы тут вообще занимаетесь? – поинтересовалась Марго, и автор «Божественной комедии» ответил кратко, но с бесконечной тоской в голосе:

– Блаженствуем.

Марго, к своему крайнему огорчению, закашлялась... ничего такого, чуть заскребло в горле, там, внизу, в легких, был полный покой... закашлялась и проснулась. И сокрушенно подумала, что не спросила у Данте, есть ли в раю бумага, то бишь пергамент, и перья. А заодно следовало бы узнать насчет столов и стульев, представить себе Алигьери, лежащего

на животе, наполовину погрузившись в псевдоснег, и выводящего гусиным пером буквы на кое-как пристроенном под самым носом бледно-желтом листе, было нелегко... А почему, собственно, гусиным? Давно ведь придуманы шариковые ручки, почему бы не внедрить сие изобретение в загробном мире, наверняка и гвельфы, что черные, что белые, и гиббелины вполне способны их освоить, вообще смешно об этом говорить, – человек, который умеет писать гусиным пером, научится чему угодно... тем более что и шариковые ручки – вчерашний день, теперь, когда есть компьютеры, правда, уважающие если не себя, то литературу писатели прямо в компьютер не пишут, но ведь не только поэты с прозаиками попадают в рай (что само по себе очень сомнительно, но допустим), но и прочие бумаго- или, вернее, экраномаратели, от студентов до бюрократов и от школьников до домохозяек. А стало быть, там, наверху, должен быть и Интернет, иначе людей помоложе туда калачом не заманишь. И даже гамбургером с кока-колой... Да, представления о загробном мире устарели безнадежно, надо бы разработать новую концепцию, но церковники и новизна – две вещи, как сказал бы Пушкин, несовместные... Придется заняться этим делом самой... И – надо признать, без особого труда – Марго вообразила себе пейзаж усовершенствованного соответственно просьбам трудящихся рая, для чего погружаться в сон, тем более с непредсказуемым результатом, ей вовсе не требовалось, как уже упоминалось, она обладала тем, что в энциклопедиях называют способностью мыслить яркими зрительными образами, словом, ей немедленно представилось нечто, схожее с современным городом, не целым, а уголком его вроде тех, где на пустырях строят торговые центры... Итак, не пустырь как таковой, а обширная асфальтированная площадка, тесно уставленная автомобилями, возможно, электро-, дабы не портить загробный воздух, или авто- в буквальном смысле слова, ездят безо всякого горючего, просто по мановению руки (чьей?), наверху тусклые облака, чтобы не отвлекать всякой бесполезной синевой от главного, того, что вокруг, а вокруг сплошные стекляшки, в кое-каких интернет-кафе, а в прочих супермаркеты, универмаги, бутики, множество витрин, набитых всякой китайской дрянью, и везде большие плакаты с надписью... нет, не «sale»³, ибо английскому языку дорога в рай заказана... наконец!.. хоть куда-то... А какой язык должен быть в загробном мире государственным? Навряд ли иврит, хотя и Христос, и вся его могучая кучка были евреями, но поскольку самый известный из диссидентов, как и его учение, иудеями отвергнуты напрочь, то... Греческий? Учтите, что первый вариант Библии был написан на этом языке... Удивительный все-таки греки народ, променять роскошный языческий пантеон на неведомо что, роскошный, уникальный, неповторимый, не то что иные беспорядочные и неубедительные наборы божеств... Правда, те же греки в какой-то степени спасли европейскую культуру... Марго припомнилась история, прочитанная где-то, когда-то, о том, как апостол Павел, кажется, он, явился в Эфес и стал агитировать его жителей повикидывать изображения Артемиды, язычество, мол, и вообще, не сотвори кумиров, ни мраморных, ни из золота, ни красками писанных, в итоге выкинули его самого, и это незначительное как бы происшествие главного христианского организатора, надо полагать, вразумило, – в противном случае вся Европа по сей день малевала бы на стенах завитушки вперемешку с цитатами из Библии... Так что, греческий? Нет, скорее латынь, официальный язык церкви... Марго стала перебирать латинские корни, собственно, перебирать было нечего, все ее познания в купле-продаже на латыни сводились к слову *mercato*⁴, да и то итальянскому... впрочем, она искала не там, не «распродажа» ведь должно быть начертано на плакатах, а «раздача», в загробном мире-то денег нет. Вот! Марго поняла, что в анализе религиозных пристрастий человечества ей следует произвести некоторую переоценку. Возможно, люди рвутся в рай потому, что там не надо думать о деньгах. Многоразовое или даже непрерывное питание... кстати, и в аду хоть и надо сидеть на хлебе и воде или и вовсе на голодной

³ Распродажа (англ.).

⁴ Рынок (итал.).

диете, но бесплатно... к тому же ни наверху, ни внизу не надо трястись от мысли, что нечем будет платить за квартиру, и тебе отключат отопление, могут и на улицу выбросить, тут, к примеру, это запросто... Долгие тысячелетия человек был вынужден постоянно думать о деньгах или их эквиваленте, и вдруг ему предлагают место, где таковых просто нет. Кто туда не захочет? Наверно, здесь кроются и корни советского атеизма, в СССР ведь невозможно было потерять работу или квартиру. И никаких тебе молитв, постов и прочих лишений, партсобраний и политчасы ведь не для всех были обязательны, инквизиция наличествовала, верно, но свирепствовала давно, да и как без нее, человек привык к колотушкам, и достается их больше тем, кто выделяется, для нищих духом одна благодать. Правда, больших денег при том строе ждать не приходилось, но не приходилось и думать о малых... А не думать о деньгах куда как приятно. Благодаря Диагнозу Марго приобщилась к райскому миру непомнящих родства с грубой реальностью капитализма, феодализма и прочих измов, найти альтернативу которым, во всяком случае, на земле, человечество было явно не способно. И даже мысль о конечности пребывания среди непомнящих, читай не думающих (о деньгах), не могла разрушить (хоть и в некоторой степени отравляла) блаженство, в которое она погрузилась впервые за последние двадцать лет постоянных размышлений о трудностях постсоциалистического существования, особенно для людей, упорно пытающихся жить в идеальном мире... под последним подразумевался, естественно, не мир идеалов или даже идей, а просто вымышленный, воображаемый, порождение писательской фантазии, неумной или, напротив, трудновозбудимой, во втором случае возвращаться в реальность хочется еще менее... Нельзя сказать, что она, Марго, была так уж меркантильна, не в этом дело, просто ее мучила собственная несостоятельность, неумение сделать хоть сколько-нибудь ощутимый вклад в семейный бюджет, и хотя Михкель неустанно убеждал ее, что зарабатывать на жизнь – прерогатива мужская, ее это не утешало... Жалкий гонорар размером чуть больше средней месячной зарплаты, но добываемый не чаще раза в год, ведь, чтобы его заполучить, следовало написать целый роман, и не бестселлер какой-нибудь, а такой, на обложке которого не стыдно поставить собственное имя... это от щедрот Эстонского фонда культуры, грошей, которые выплачивал за далеко не худое произведение тот или иной толстый журнал, хватало лишь на малорезультативный поход в книжный магазин... и все, никаких иных доходов... у нее, Михкель получал стипендию того же фонда... не будь ее, им пришлось бы, наверно, повеситься рядышком, как то сделали Цвейг и его жена... вполне вероятно, что когда-нибудь так и придется поступить, в один прекрасный день останешься стоять на пороге Фонда с протянутой рукой, ибо дающая вдруг оскудеет... кто-то против подобной терминологии, наверно, возразит, однако... откровенно говоря, Марго не могла отделаться от ощущения, что просит милостыню, почему? Такова система, члены комиссии голосуют согласно личным пристрастиям, а отнюдь не количеству и качеству изданных соискателем томов, никогда не знаешь, кому ты нечаянно наступил на любимую мозоль и как она, мозоль эта, на стадии голосования себя поведет, смолчит или завопит: «Ату его, ату! Пусть подохнет с голоду!» Ну а если отдавленных мозолей окажется не одна, а две-три-четыре, что при неодолимой тяге Михкеля к свободе слова и умению его коллег обижаться насмерть, то бишь на всю оставшуюся жизнь, по, прямо скажем, странным поводам, например, из-за критической реплики в адрес Набокова или насмешки над дорогим чьему-то сердцу политиком, вовсе не исключено? Количество, увы, не томов, а мозолей, перейдет в качество, и они останутся без куска хлеба, оба, поскольку, о ней, Марго, и речи нет, ей стипендии не давали никогда, видимо, из принципа, один грант на семью, и баста, а то вдруг все писатели переженятся и коллективно сядут на шею несчастным алкоголикам-курильщикам, благодаря вредным привычкам которых Фонд и существует... А может, определенным в комиссию за несомненно огромные заслуги перед литературой вершителям судеб, по крайней мере, их квалифицированному большинству, не нравились ее черные волосы? Либо русская речь? Кто бы при этом вспомнил, что отягощенные мелкими пороками члены общества, на достаточно, надо думать,

крепкой вые которых расселись деятели культуры, отнюдь не все глаголят по-эстонски, даже если не присуждать пальму первенства никому, а воздать обеим сторонам в равной степени, треть или хотя бы четверть денег, вложенных в поддержание жизнеспособности писателей, окажется на счету русскоязычных энтузиастов бутылки, табачных изделий или азартных игр, и если по справедливости, то в той же пропорции следовало бы и стипендии распределять... Но не будем думать о грустном! Или, напротив, лукаво хихикая, станем тешить себя мыслью, что русские пьяницы, эти хилые атланты и кариатиды, подпирают здание эстонской культуры... Так или иначе Марго давно уже никаких сюрпризов от Фонда не ждала, кроме разве что судьбоносного, он же смертоносный, отказа в стипендии Михкелю. Тем не менее она исправно подавала ежегодное заявление, так сказать, занимала местечко на виртуальной паперти, с самого краешка, куда никто из подающих не заглядывает, не в надежде, что кто-то туда завернет по пути, а для порядка, или, скорее, чтобы не огорчать мужа, не вполне еще утратившего иллюзии, — сама она ни на какие счастливые случайности в виде, к примеру, новоиспеченного состава комиссии, лишённого предрассудков предыдущего (предыдущих), либо невиданного взрыва алкоголизма, завалившего Фонд миллиардами ожидающих, чтобы их немедленно потратили, крон, не уповала, и надо же было, чтобы именно в этом году эстонский союз писателей, с некоторых пор тоже заимевший кое-какие средства на поддержку голодающих литераторов, в первый и, скорее всего, последний раз расщедрился на стипендию именно ей. *Di sorpresa*, как пела Розина по другому поводу, *e di contento son vicina a delirar...*⁵ И Марго решила, что на ближайшее время о финансовых проблемах можно забыть, а что до дальнейшего... Чего ради беспокоиться о будущем, которое вряд ли наступит? Конечно, та сумма, которая им с Михкелем казалась достаточной для сносной жизни, для большинства выглядела безделицей. *Bagatella...* Однако миллиарды Марго не интересовали, если в малых дозах деньги дают свободу, то в больших они становятся тюрьмой. Ей не хотелось иметь личный самолет, она была сыта по горло и рейсовыми, от одного слова «яхта» ей становилось дурно, она терпеть не могла автомобилей, будучи прирожденным пешеходом, не имела она и желания жить в поместье, особняке, да даже роскошном римском палаццо, ведь в подобном случае пришлось бы поддерживать порядок во множестве помещений, для чего понадобилась бы армия вечно путающихся под ногами слуг, то бишь посторонних, которые к тому же, кажется, прекратили существование как класс. А без слуг... Круглосуточное бдение за ненавистным пылесосом? Точнее, антипылесосом, нынешние агрегаты ведь интроверты, сосредоточены на внутренней стерильности, вместо того чтобы ими чистить внешний (для них) мир, надо перманентно промывать их драгоценные внутренности... Благодарю покорно!.. Разумеется, романтический быт клошаров, описанный Симеоном, ее тоже не привлекал, не более того, поэтическое уединение на хуторе в лесу или на старом маяке, она предпочитала двухкомнатный шалаш в городе, конечно, квартира могла бы быть чуть побольше, но им и в этой было вполне комфортно... Не волновали ее и драгоценности, разве что небо в алмазах, золотых украшений она не носила, ее раздражал плебейский желтый цвет. Одежда? Она давно привыкла, что не может взять да купить любую понравившуюся вещь, и относилась к этому философски, да и чем дальше, тем меньше становилось такого, что хотелось бы не просто приобрести, но и надеть, в магазинах не на чем было остановить взор, почти как на улице, где нескончаемое шествие одетых в черно-бурое (но только не лисий мех!) женщин напоминало похоронную процессию. Кургузые курточки, якобы брюки, больше похожие на колготки, туго обтягивающие тощие, колесом, или пухлые, складчатые, как гармошки, бедра, и черное, черное, черное, непонятный траур, в который облачены миллионы европейских молодых женщин. Ибо только в мужских отделах можно увидеть яркие бирюзовые, изумрудные, сиреневые, розовые (!) сорочки, свитера и прочее. Немудрено, педик, которые заправляют модой, хотят одеть покрасивше своих партнеров, а заодно приобрести тако-

⁵ От сюрприза и от радости я близка к безумию (*итал.*).

вых, отвращая мужчин от повергнутых в море или, точнее, болото безобразия женщин. А если среди модельеров попадают дамки, те изобретают наряды еще похлеще, что тоже неудивительно, ибо нет больших женоненавистников, чем женщины, – кокетки ненавидят женское начало в силу конкурентности, феминистки просто в качестве такового. Собственно, может, она не права, и нынешние зигзаги моды отражают возвращение человечества к животному состоянию, ведь у птиц и зверей самочки частенько невзрачные, серенькие, а самцы видные, красочные, так что речь необязательно идет о женоненавистничестве. Том, в чем нередко сходятся мужчины и женщины, взгляды и пристрастия которых обычно столь разнятся... Сама Марго тоже не очень любила женщин, как, впрочем, и мужчин, не кого-то конкретно, а в целом, ибо, положа руку на сердце, она не любила людей. Не всех, к кое-кому она относилась достаточно тепло, к некоторым нежно, к одному еще более того... наверно, точнее было бы сказать, что ей не нравился человек, эксперимент по его созданию ей представлялся неудавшимся, если не провальным. Может, оттого, что проводился в рамках, чересчур узких? Куда лучше получились, к примеру, хищники, их было много, и если гиена вышла не слишком привлекательной, то природа отыгралась на львах и тиграх, не говоря о медведях. Или взять птиц, какой богатый выбор, от орла до лебедя и от грифа до голубя, да даже человекообразных обезьян несколько, а вот «венец творения» почему-то один, и исправленных вариантов нет... если, конечно, имеющийся в наличии уже не откорректированный, допустим, питекантропы и неандертальцы были черновиками, набросками, позднее доработанными... можно только вообразить, что это за существо было до коррекции, если после нее... Словом, вышло то, что вышло, и в итоге люди в большинстве своем непроходимо глупы, ленивы, нечестны, лишены вкуса и чувства прекрасного, и дефекты эти исправлению не поддаются, сколько, например, ни води их в Сикстинскую капеллу, все равно разница между Микеланджело и поп-артом останется для них неочевидной... Наверно, потому все эти пророки и прочие воспитатели сосредоточились на одном, на том, чтобы научить человека отличать добро от зла, в их понимании, разумеется, ну хоть что-то!.. и в этом деле даже удалось немного продвинуться, по крайней мере, в последние полвека он в какой-то степени сменил любезное его сердцу общество истребления на общество потребления. На самом деле, это, конечно, одно и то же, просто все предыдущие тысячелетия человек усердно истреблял себе подобных, а ныне переключился на истребление природных ресурсов. Производить, покупать, выбрасывать, упаси боже, не чинить, не ремонтировать, не хранить старье, на свалку во все более ускоряющемся темпе, сегодня принес в дом, завтра выкинул, по сути, это следовало бы делать, минуя дом, минуя магазины, все равно ведь главный продукт нашей цивилизации – мусор... И все-таки это прогресс. Разве не лучше истреблять нефть, руду, да даже деревья, чем друг друга? Хотя насчет деревьев это как сказать, это дело вкуса... Но что тебе до всего этого, Марго? Что тебе до людей вообще, подумай лучше о конкретных, о матери, сестре, муже... Впрочем, она и думала. Мать, к счастью, была далеко, виделись они не очень часто, общались в основном по телефону, и теперь Марго была рада расстоянию, их разделявшему, и времени, которое смазывало черты, ведь куда легче свыкнуться с уходом тех, кто рядом бывает редко. Так, когда несколько лет назад не стало отца, она перенесла эту потерю менее болезненно, чем если та случилась бы, не живи она за тысячи километров от родителей, не сам тот миг, естественно, или час, или день, как хотите, пусть она не пролиwała слез бурно и непрерывно и, уж конечно, не причитала наподобие античной плакальщицы, глаза у нее от рождения были не то что не на мокром месте, но где-то в дюнах пустыни Атакама, а демонстративное горевание она ненавидела не меньше, чем показное веселье, однако в глубине, внутри, были холод и мрак. И все-таки приспособиться к возникшей в доме пустоте ей было проще, чем матери или сестре, поскольку ей ежедневно возвращаться с работы, отпирать дверь и зажигать в темной квартире свет не приходилось. Вот она и радовалась теперь, что мать так ни разу и не побывала в их с Михкелем доме и не сможет даже вообразить себе кровать, на которой больше не спит ее дочь, или диван, где, пристроившись в углу под прикрученной

к соседней полке длинноногой лампой, она не сидит уже с книгой или школьной тетрадкой в клетку, исписывая страницы мелким неразборчивым почерком. Что касается сестры Аиды, в домашнем обиходе просто Иды... Пару дней назад Марго приснился жутковатый, из тех что снятся перед самым пробуждением, сон. Будто в сумерки... почему-то в последнее время сны чаще оказывались сумеречными... они с Михкелем и Идой сидят или стоят, этого она не помнила, в полутемной гостиной, и она видит, как начинает раскачиваться, все более размашисто, люстра, ее любимая, бело-голубая, как осыпается штукатурка, обнажая широкую и короткую деревянную планку, к которой якобы люстра привинчена, сейчас она оторвется, свалится, разлетится на куски, Михкель бросается в середину комнаты, удержать, подхватить, но поздно, кадр сменился, из планки торчат только оборванные провода, Марго переводит взгляд на пол, ожидая увидеть осколки, обломки, там ничего нет, люстра исчезла бесследно. Она поднимает голову, на стене напротив темные квадраты и прямоугольники, следы на обоях, картины словно испарились, она поворачивается к столу, рядом с которым буквально мгновение назад стояла, того уже нет, пусто, и она видит сестренку, упавшую на колени, лицо в ладонях, выкрикивающую нечто вроде «Мне страшно, страшно, это конец света»... Проснувшись, Марго долго раздумывала над этой формулировкой, имевшей к ней прямое отношение... И однако ее личный конец света вряд ли мог накрыть своей ударной волной сестру, нет, конечно, это не означало, что Идочка только хвостиком махнет и поскачет дальше, как иногда случается с сестрами, напротив, Марго даже чувствовала себя виноватой из-за неизбежных переживаний, на которые обрекала сестру, и непреложного факта, что другого столь родного человека у той нет, кроме очень уже немолодой матери, сестра была разведена и, как сама Марго, детей не имела, так сложилось в их незадачливом семействе, они не порадовали родителей внуками и не обеспечили себя опорой на старость, и если Марго, тем более теперь, относилась к этому более чем философски, то Иду сложившаяся ситуация бесспорно огорчала. И все-таки у нее была своя жизнь, в том числе та, которую почему-то называют личной, любимая работа, подруги, дом, мать, погорюет и смиритесь. Другое дело Михкель. Она заворочалась, пытаясь представить себе мужа, одного на двуспальной кровати, но не получалось, как она не могла вообразить себя отдельно от него, так не выходило и обратное. И очень глупо, подумала она сердито, прежде чем наконец заснуть.

– Ну что ж, – сказал онколог, глядя на монитор... или в обычную старомодную историю болезни?... трудно понять, врачи ведь ныне одним глазом упираются в экран, другим шарят по бумагам. – Результаты биопсии, можно сказать, оптимальные.

Он оторвался от лицезрения циферок, поглядел на Марго, на Михкеля, как всегда, сопровождавшего ее, решил, видимо, что его могут понять не совсем правильно, и педантично уточнил:

– Насколько, конечно, это выражение применимо к данной ситуации.

– То есть? – спросила Марго.

– То есть опухоль гормонозависима, более того, есть рецепторы и эстрогенные, и прогестероновые, наиболее благоприятный вариант для лекарственной терапии. В общем, я выпишу рецепт, будете принимать, а операцию сделаем летом. Как?

Марго только плечами пожала, страус, угнездившийся в ее психике, подавал голос все более властно, но Михкель... мужчине прятать голову в песок как-то не пристало... Михкель задал вопрос, который висел у нее на кончике языка уже несколько недель, однако там и оставался, поскольку она боялась услышать отрицательный ответ.

– А грудь сохранить можно? – спросил он осторожно. – Эта штука ведь на самом краю. Онколог подумал.

– Отчего же, – сказал он бодро. – Можно. Опухоль компактная, вокруг раковых клеток нет. Можно.

И Марго поняла, что ей крупно повезло. Насколько, конечно, это выражение применимо к данной ситуации, добавила она про себя.

Вернувшись домой, она сразу же залезла в Интернет, дабы изучить свойства препарата, каковой ей надлежало принимать... ну не всю оставшуюся жизнь, выяснилось, что сие спасительное средство нужно или можно пить аж... всего лишь!.. пять лет. Если, конечно, их проживешь. Пять лет, сушая ерунда, теперь же направо-налево... то есть справа-слева... слышишь от совсем не старых людей, что им назначили лекарство, которое придется принимать до конца жизни, ни больше ни меньше, от сердечных напастей, от суставных, от гипертонии... да-да! В советские времена верхняя граница в 130 или 140 у немолодых людей воспринималась как должное, убедительно объясняли, что организм таким образом компенсирует тугоподвижность сосудов, мешающую доставлять достаточно крови в мозг, а теперь медиков вдруг осенило, оказывается, надо 120 и ни делением выше, а если оно есть, это лишнее деление, то следует лечиться, лечиться и лечиться. Разумеется, до конца жизни. Болезни ведь на самом деле не лечат, а консервируют. Во благо акул фармацевтического бизнеса... А бизнес этот, надо заметить, не менее циничен, чем торговля оружием, и тут, и там зарабатывают на жизни и смерти. Хотя и то, и другое не самое худшее, поскольку есть еще производители поддельных лекарств, фальшивотаблетчики, так сказать, по сравнению с которыми их коллеги, печатающие фальшивые деньги, воплощение благородства и человеколюбия. Соорудят такие ребята, к примеру, фемару, которую ей только что выписал онколог, то есть не саму ее, а спрессуют какой-нибудь мел или сахар и шлепнут на коробочку нужную этикетку, что означает самое настоящее преднамеренное убийство, но судить-то их будут, если, конечно, поймают, за мошенничество, эдакий сталинский подход, угробил одного – убийство, а тысячу – статистика... Марго вынула крошечные... не поверишь, что такая малость способна совладать со вселенским злом... бледно-желтые таблетки из упаковки и стала рассматривать, хотя что толку, водяных знаков на них нет, правда, к счастью, здесь у нас, в Европе, если уж за поддельные солнечные очки штрафуют по-крупному, то за таблетки... За таблетки, впрочем, тоже не расстреливают, а жаль...

Она заглянула в еще пару сайтов, в чем особого смысла не было, материалы-близнецы, и задумалась. Конечно, с одной стороны ей повезло. Нечасто в онкологии попадаешь в ситуацию, когда можно лечить болезнь прицельно, у них ведь как, взял вроде пещерного человека огромную дубину и бабах по мухе, а муха-то не в вакууме жужжит, сидит на чьей-то спине, ее, может, в пятнышко и размазали, а со спиной что? Коли кости и целы, то мышцы в кашу... А у нее оказался тот редкий случай, когда не устранить причину, это нет, однако главное звено в цепочке разорвать можно. Да – но!.. Ведь женские половые гормоны не только сладкая пища для опухолей... Марго сразу представила себе, как стареет на глазах, как обвисает кожа на лице, разбегаются во всех направлениях морщины, покрываются мерзкими пигментными пятнышками руки... А что делать? Да, красота требует жертв, но не слишком ли жирно будет пожертвовать жизнью?

Она вылезла из кресла и отправилась в ванную, где было светлее, чем в любом другом месте в квартире, что обеспечивалось двумя большими, похожими на гигантские таблетки, в отличие от фемары, белые... ну вот, пошли медицинские ассоциации... плафонами, лампочки к которым были припасены в солидном количестве, ибо их уже сняли с производства, евролюдям лишние ватты не полагались, новомодные люстры ведь света почти не дают, их специально рассчитывают на маломощные почти лампадки, да и торшеры не лучше, собственно, зачем современному человеку свет, он ведь книг не читает, а телевизор можно смотреть при любом освещении. Если и испортишь при этом глаза, то не настолько, чтобы не видеть на огромном современном экране жуткие рожи, которые корчат так называемые актеры, всерьез полагающие, что они играют роль, или, еще проще, разглядеть коленца, выкидываемые в придачу к неорганизованным звукам персонажами, почему-то причисляющими себя к музыкантам... Она стала рассматривать себя в зеркале, надела очки, потом сняла, снова надела... Без было

вполне еще ничего, но в очках прорезывались детали, без которых она отлично обошлась бы... Да что там, красоваться так и так осталось недолго! Наверно, лучше родиться безобразной, тогда стареть не столь противно, наоборот, можно злорадствовать, косясь на бывших красавиц, которые выделяются среди прежних уродин лишь большей степенью уныния и отвращения к себе... Да... А стоит ли жизнь того, чтобы платить за нее красотой?

А может, следует положиться на восточную мудрость? Пока она читала детективы, Михкель героически рылся в книгах и сайтах, и почти круглосуточные изыскания привели его в итоге в Тибет, не буквально, но к тибетскому врачевателю, подвизавшемуся в Москве. «Что бы мы делали без Интернета?» – спросил он риторически несколько дней назад, получив от вышеупомянутого лекаря электронное послание с согласием попробовать полечить, иными словами, прислать некоторое количество своих целебных снадобий – не бесплатно, конечно, а за очень немалые деньги. Марго подумала тогда, что внедрение в райские учреждения Интернета было, несомненно, удачной идеей, и найдись у церковников хоть капля разума... Что касается тибетского врачевателя, тут у нее имелся маленький почти личный опыт; много лет назад одной ее знакомой поставили известный диагноз с полностью сформировавшимися последствиями и выделили два-три месяца на подготовку к переходу... не в царствие небесное, ибо происходило это в советские времена, и медики-атеисты на подобные темы не рассуждали... нет, попросту в небытие, тогда людей можно было утешить лишь чем-то вроде «истлевшим Цезарем от стужи заделывают дом снаружи»... коли уж тот, «пред кем весь мир лежал в пыли, торчит затычком в щели», рядовому обитателю этого мира грех жаловаться. И не смирившиеся с беспощадным развитием событий родственники девушки раскопали где-то в тувинских закоулках буддийского монаха, по совместительству тибетского доктора, и назревавший переход удалось отсрочить лет на пять или семь, – сейчас Марго не могла вспомнить этого точно, да сие и неважно, главное, снадобья помогли, и потому она не стала возражать, когда муж принялся с энтузиазмом искать курьера... Курьера, ибо переслать лекарства по почте оказалось невозможно, – с еще большим, чем у Михкеля, энтузиазмом западная фармацевтика борется с проникновением на ее территорию восточной. Понятно, а вдруг презируемые знахари и вправду кого-то вылечат. Говорят, например, что китайские травы полностью излечивают аллергию, каков скандал, а как же мы тут, в европах, что будет с нашим освященным веками правом доить подверженных аллергии несчастных до конца их не самой веселой жизни. Лечить – да, но вылечивать? Словом, написав десяток писем в разные инстанции, Михкель выяснил, что путь к спасению жены единственный, больным благородно разрешали везти с собой некоторое количество лекарственных средств, только больным и только для себя, так, по крайней мере, значилось в соответствующих инструкциях, но поскольку на таможенные компьютерные томографы с обслуживающими их диагностами пока нет, доставлять указанные средства в состоянии и люди здоровые, либо не с тем диагнозом, посему муж принялся искать знакомых, посещающих время от времени бывшую столицу нашей родины, а ныне территорию вероятного противника или как это у них в штабах называется.

– Не найду, поеду сам, – сказал он твердо.

– Но ведь это обойдется...

– Все равно! Надо будет, продам квартиру.

И Марго поняла, что да, продаст... Черт возьми! Она, уже привычно, перевернула ситуацию, да, естественно, будь она на месте мужа, она продала бы что угодно, но вот на своем... Пустить все имение на лекарства, чего доброго, излечиться и оказаться на свалке? Где еще могут очутиться два писателя, живущих на гонорары и полусимволическую стипендию, еле позволяющую сводить концы с концами, если лишатся своей скромной квартиры, единственного pied-à-terre⁶ на этом свете. Нет уж, она предпочитала умереть в своей постели. Стоит ли

⁶ Пристанище (*фр.*).

жизнь того, чтобы платить за нее более или менее устроенным бытом, относительным комфортом, теплом в доме зимой, водой из-под крана... подобное перечисление кажется забавным только на первый взгляд, ведь если альтернатива всему этому... нет, не жизнь, то есть она, но ведь жизнь бывает всякая... В юности Марго частенько спорила со своей ближайшей подругой на тему ценности жизни. «Я готова на все, чтобы только жить, – утверждала та, убежденно закатывая глаза, – без рук, без ног, лишь бы жить!» Марго этого убеждения не разделяла никогда, она не хотела жить без рук, без ног и даже без дома, только спрашивала себя иногда, сохранится ли ее решимость при конкретизации обстоятельств, вот если завтра скажут, хочешь жить, придется ампутировать руку или ногу, сумеет ли она ответить «нет» и уйти из этого мира, сохранив в целостности не только свое тело, но и свое «я»...

Она вышла из ванной, выключила свет и подумала, что, возможно, маломощные лампыпочки навязали обществу именно бывшие красавицы, в полумраке ведь не только букв не разглядеть, но и морщинок...

– Купила что-нибудь? – спросил Михкель, поднимаясь со скамейки на нижнем этаже торгового центра «Виру», где они с Марго большей частью встречались, случись им на часок-другой нарушить заповедь «с любимыми не расставайтесь».

Собственно говоря, особенно оригинальны в выборе места встречи они не были, за последние годы «Виру» стал средоточием общественной жизни, постепенно переместившимся в него из строения, которое Михкель некогда окрестил домом культуры имени Стокманна, множество людей не только ходило по магазинам или восседало в разнообразных кафе, но попросту фланировало по длинным коридорам, или вестибюлям, как угодно, и винить в нелюбви к свежему воздуху кого-либо было трудно, ибо при эстонском климате изображать пешие прогулки куда приятнее в торговых центрах, нежели на продуваемых вдоль и поперек городских улицах. Места хватает, и не будь здесь эскалаторов, получился бы тот еще терренкур. Правда, тут не просто тепло, а стоит поистине тропическая жара, по сути, посетителям на входе следовало бы переодеваться в шорты с футболками, а то бродят, истекая потом, да еще за собственный счет, ведь если хозяевам за согрев платят арендаторы, то с арендаторами расплачиваются покупатели... Впрочем, насчет пота так точно не скажешь, большинство даже не расстегивается, очевидно, современный человек, привыкший к перемещениям из одного обогреваемого помещения в другое – дом, салон автомобиля, учреждение, авто, магазин, салон, дом – постепенно утрачивает терморепцепторы...

– Купила, – сказала Марго чуть виновато. – Еще одну блузку.

– Ну и молодец.

Марго промолчала, особой доблести в лишних покупках она не находила, но иногда... Дважды в год, во время краткосрочных якобы скидочных кампаний, в ходе которых «Стокманн» и «Каубама» сплавляли залежалые товары, приправив их некоторым количеством псевдодешевых вещичек, она в магазины заглядывала и даже что-то приобретала, в универсаме, конечно, поскольку в «Стокманне» о существовании сине-зеленой половины спектра, кажется, вовсе не подозревали, а она предпочитала именно эту цветовую гамму, зеленый, голубой, синий... но не фиолетовый, что еще?... бирюзовый, морской волны... Вот и теперь ее соблазнил васильково-синий на белом фоне, и она схватила блузку, даже не посоветовавшись с Михкелем, а ведь раньше три часа бы колебалась и тридцать раз взвесила... Можно подумать, новые летние вещи удержат ее на этом свете до лета... Хотя до того не так уж и много осталось, и если томография не обнаружит чего-нибудь фатального, то купленная сегодня обновка не отправится в мусорный ящик ненадеванной... в этом мире ведь любой вещи, новой ли, старой, дорога одна – на свалку... Да и одежда ей больно приглянулась, она пожалела, что купила позавчера другую, сегодняшняя была не в пример красивее, но кто же знал, что такая появится, в сущности, особо выбирать и теперь не приходилось, почти как в советское время,

когда торговки, высокопарно именуемые спекулянтками, приносили нечто, и следовало сразу решать, брать или не брать (проблема Гамлета эпохи реального социализма), не возьмешь, уведут из-под носа, готовые вещи котировались высоко, вот вам парадокс, одежду «с чужого плеча»... иногда в полном смысле слова, бессовестно подсовывали тот еще секонд-хенд... одежду с чужого или, по крайней мере, на чужое плечо безоговорочно предпочитали платьям и костюмам, сшитым портнихами, а портнихи в Ереване были умелые, ткани натуральные, шили дешево и на тебя, а не на стандартное бревно без талии и бедер. Удивительно! Тогда, встречая в книгах упоминание о магазинах готового платья, где одевался тот иной иной персонаж, она как-то не улавливала в описаниях презрительного оттенка, только теперь, когда оказалась в мире этой самой готовой одежды, плохо скроенной, дурно сшитой и неизбежной, как старость, она поняла смысл многих пассажей...

– Покажешь? – спросил Михкель.

– Дома.

– Выберемся тогда из этой сауны, – сказал муж, увлекая ее к выходу.

А что, собственно, такого-эдакого могла обнаружить томография? Марго мысленно оглядела себя в зеркале. Внешне она ничуть не походила на изнуренного болями онкобольного в терминальной стадии, но ведь эта треклятая болезнь хитра, как сам дьявол, или нет, похуже, у дьявола все наружу, и рога, и копыта, и хвост с кисточкой, конечно, он может переодеться Мефистофелем, при шпаге, и шляпа с пером, но все равно раскусить его несложно, так или иначе он себя выдаст, не ту песенку споет, задерет кого-то, он ведь не прячется за углом, как некоторые... И, однако, до последней минуты прятаться невозможно... Да? Марго снова вспомнила подругу, которую метастаз в кишечник доконал за несколько дней... Нет, ничего тут наперед не угадаешь... И от ее медицинского диплома нет никакого проку не потому вовсе, что она работала по специальности давно и недолго, и даже не оттого, что с самого начала шарахалась от онкологии, как черт от праведников... если таковые существуют... Началось это шарахание на третьем курсе, когда после очередной операции... на самом хирургическом священнодействии их группы не было, им демонстрировали нечто другое, что именно, она не помнила, зато в память намертво врезались беспардонно отчекрыженная женская грудь, прекрасная округлая грудь с белоснежной кожей, молодая и упругая, ибо злополучной пациентке, которую Марго, к счастью, не видела, было лишь слегка за двадцать, и то, как хирург, перевернув «препарат», показал студентам темно-желтое затвердение диаметром сантиметра в два, ерунда вроде, но последствия... Марго до сих пор не могла выкинуть из памяти ужас, ее охвативший и так и никогда не оставивший, ужас подхватить эту болезнь, чем оно и кончилось. Может, именно поэтому? Когда долго чего-то боишься, это в конце концов случается. И сколько ни прячься от онкологии, она тебя найдет, отыщет и заставит себя выучить...

Холод на улице был собачий, может, после сауны оно и хорошо, но мы-то не собаки, да и кто сказал, что собакам подобная погода по вкусу, они ведь не все в шубках, иные совсем голые... последних она не любила, наверно, потому, что к таковым относились противные псы с мертвыми глазами... поразительно, как люди заводят подобных собак, когда существуют очаровательные чау-чау... да и любая дворняга более обаятельна, чем иные породистые звери... Что ж, каждый выбирает по своему вкусу, хоть иногда и диву даешься несочетаемости хозяина и собаки, но, видимо, противоречие это кажущееся, – так пару дней назад они с Михкелем встретили на Ратушной площади двух дюжих мужиков, державших на поводках по крошечной дамской собачке, удивились было, мужчине вроде негоже, потом пригляделись, а у ребят сережки в ушах и повадки соответственно собачкам... Словом, скажи мне, кто твой пес, и я скажу, кто ты...

Марго огляделась с легким недоумением. Она стояла в углу обширного патио, сильно вытянутого в длину, но и ширины немалой, разделенного надвое протекавшим посередине

узким каналом... то есть это был, разумеется, бассейн, вода в нем стояла недвижно, отражая растущие по сторонам апельсиновые деревья, густо усыпанные оранжевыми крупными плодами. Дальше шла галерея, охватывавшая увенчанное темно-голубым небом открытое пространство чередой резных арок, опиравшихся на короткие тонкие колонны. Стены за арками в верхней части были покрыты сплошным узором, замысловатым, но бессодержательным, в нижней же многоцветными, больше в сине-желто-оранжевой гамме, азулехос... Это слово потянуло за собой свежее еще воспоминание: дворец Педро Жестокого в севильском алькасаре. Только здесь не бродили разношерстные туристы с непременными фотоаппаратами, реже видеокамерами, то и дело нырявшие в смежные помещения, довольно унылые, чаще без окон, темные и голые. Возможно, в стародавние времена, когда они были обставлены, украшены... Вот! Что крылось за стенами, Марго не видела, но в галерее там и сям лежали подушки, обтянутые золотой парчой, стояли низкие сандалового дерева... почему сандал, откуда?... столики, уставленные блюдами с неизвестными кушаньями. На подушках сидели смуглые мужчины в белых одеждах... разумеется, теперь все в белых одеждах, если не в буквальном смысле слова, то в переносном... а меж ними скользили полуобнаженные девицы в шароварах и лифчиках, все, конечно, золотое или, по крайней мере, позолоченное, сверкающее, скользили, томно выгибали спины и усердно трясли мускулами голых животов, звучала и музыка, заунывная, чуждая. Марго взгляделась в сидевших за ближним столиком, вытаращила от изумления глаза, потом догадалась. Лица и руки, то, что не было скрыто под одеждой, выглядело... Словом, пирующих граждан уродовали неровные, смыкающиеся концами или краями шрамы, словно людей этих собрали из кусков. Не иначе террористы-смертники. Глаза у ребят были тоскливые, почему, угадать нетрудно, наверняка всякие там арабески и изразцы им до лампочки или до бомбочки, интересуют их полуголые дамочки, а ведь согласно их символу веры гурии в раю всегда остаются девственницами, награда же блаженным – собственные праведные жены... ой-ой-ой! Знали бы они об этом на грешной земле... Собственно, для прирожденного убийцы награда – самоубийство... Любимый лозунг человечества «убей врага» на самом деле неоднозначен, во все времена человеческие существа различались по отношению к его составляющим, если часть их с воинственными воплями и разнообразным оружием в руках плясала вокруг глагола, ибо главное для таких убить, а враг всегда найдется, то более умеренные насто-роженно толпились вокруг существительного, убить следует врага, а коли его нет, можно и воздержаться. Но хотя вторых – надо надеяться! – больше, тон всегда задавали первые, либо их невольные помощники, которые ищут врага не только для себя, но для всех, ибо без как-то неудобно, вдруг все разбредутся, начнут, как те кошки, ходить сами по себе, что опасно и чревато, – да и неуютно человеку выпадать из массы, неуютно самому, а уж тем, кто за веревочки дергает... Впрочем, чтобы всех постричь под одну гребенку, не обязательно даже врага искать, можно, например, детишек, сколько их есть, посадить за «Гарри Поттера» в книжном виде, а лучше экранном, сами потом в парикмахерскую побегут... А лучше совместить, так, чтобы и враг имелся, и плюс нечто как бы красиво-благородное, например, неверные и Гроб Господень... Любопытно, что, покрутившись, покрутившись, колесо истории повернулось туда же, где было лет эдак тысячу назад, почти по советскому учебнику с его спиралью истории, на другом уровне и как бы в зеркальном отображении, вместо Крестовых походов теракты, примитивные убийства без взятия твердынь и водружения флагов... Да и суть войны другая, поскольку идет она не между христианами и мусульманами, а между какой-никакой, но свободой и духовным рабством. Ибо что есть религия, если не духовное рабство... но только, Марго, не надо говорить об этом вслух, а то съедят, если не христиане с мусульманами, то политкор-ректяне – суд, штраф, отсидка, не трогай! Не трогай верующих, неверующих, голубых, зеленых, красных... Впрочем, красных можно, красных и изобретенные ими, окрашенные большей частью в тот же или близкий колор миры, от багрового военного коммунизма до розового коммунистического рая... подозрительно смахивающего, черт побери, на любимый потреби-

тельский, что не так-то и странно, если вспомнить его единственный неотъемлемый признак. В студенческие годы она активно стремилась дознаться у растерянных преподавателей, из чего состоит коммунизм, кроме как лозунга «от каждого по способностям, каждому по потребностям», но те ничего более добавить не могли. А коли так... Правда, коммунистическому раю должно было располагаться на земле, а не в небесах, но если капиталистическому потребителю положен отдельный райский уголок и за облаками, почему бы не быть таковому и для коммунистов? И вообще для всякой категории граждан. Дадим каждому по участку, так сказать, райку, ну не буквально каждому, но раз уж есть, к примеру, достаточно обширная агломерация, где воют динамики и машут в экстазе руками девочки-мальчики, свихнувшиеся на почве тяжелого рока, почему бы не иметься и небольшому анклаву, в котором ставят «Аиду» с Джильи и Канильей? Нетрудно вообразить и рай для писателей: лавровые венки, фимиам, высокие постаменты, на которых, жадно вдыхая ароматный дым, стоят в позе Ленина или на худой конец Августа офимиамленные счастливицы, а вокруг сидят во множестве читатели с книгами... это, бесспорно, ангелы с крыльями, ибо иных любителей литературы ныне взять неоткуда... Впрочем, вечность – понятие бессрочное, почему бы не заглянуть в прошлый, а лучше позапрошлый век, когда не было кино, телевидения и так далее... правда, и это ненадолго, даже если собрать народ из всех предыдущих столетий, почитав теперешних писателей, они быстренько пересмотрят свое отношение к литературе... Ладно, это все ерунда, вот представить рай для красных сложнее, не трудармии же должны по нему маршировать?... А почему, собственно, нет? Марго вспомнила прочитанные в перестроечные времена в одном из толстых журналов излияния некой старой большевички, мол, они и в ГУЛАГе строили социализм, такие экземпляры с радостью волюются в ряды трудармий и будут с песнями и плакатами топтать в строю к месту работы, на лесопосадки, к примеру, или, наоборот, на вырубку посаженного, – можно ведь совместить, одни сажают, другие следом рубят, – главное, процесс идет, а результат ничем не отличается от общечеловеческого: производится мусор...

Алькасар, между тем, давно исчез, а жаль, тепло, синее небо, апельсины... Она снова вспомнила Севилью, город апельсиновых садов, аллей, скверов, везде, везде росли раскидистые деревья, увешанные оранжевыми шарами, волшебное зрелище, она все снимала их на камеру, вблизи, издали, никак не могла уgomониться. И, удивительно, никто их не трогал, казалось бы, срывай и ешь, тем более что в магазине апельсины стоили отнюдь не гроши, но нет, они шлепались на тротуары и лежали, пока их не сгребали в кучи и не загружали в свои машины мусорщики. Они с Михкелем смотрели и смотрели, наконец, однажды не удержались и, оказавшись в достаточно укромном месте, сорвали соблазнительный плод, сорвали и там же съели. Точнее, пытались съесть, но не смогли, апельсин оказался горьким.

В томографе было нечто космическое. Никогда прежде встречаться с этим агрегатом Марго не доводилось, и при первом взгляде на него в памяти почему-то всплыли кадры телепередач с МКС: переборки цвета слоновой кости, мигающие огоньки на пульте и плывущие по воздуху астронавты. Тут, однако, в отличие от тесных отсеков станции было просторно, даже слишком, аппарат стоял в центре большого пустого зала. Может, нездешнее впечатление создавалось толстенным металлическим кольцом, сквозь которое скользило взад-вперед водруженное на широкий поддон человеческое тело, в данном случае, ее собственное? Перед тем ей, конечно, ввели контраст, тощая, чересчур юная, на ее взгляд, девица долго щупала ей руку, правую, ибо локтевая вена на левой, где она некогда просвечивала под самой кожей, ныне утонула в отечных тканях. На правой она была изначально запрятана глубоко и далеко, но шустренькая, как оказалось, медсестра нашла-таки подходящий сосудик где-то на запястье и попала с первого захода; Марго мысленно ее одобрила, не вслух, ибо уже имела некоторый опыт общения с персоналом, то бишь попробовала высказаться на эту тему при первой сдаче крови, в контексте, кстати, абсолютно положительном, но немолодая сестра, ту операцию осу-

ществувавшая, посмотрела на нее пренебрежительным взглядом сытого удава, ходят, мол, тут всякие и осмеливаются рассуждать о вопросах, в которых некомпетентны совершенно. А еще раньше, до того, как водворить на поддон и вообще впустить в святилище, ей велели скинуть в крохотном предбаннике обувь... естественно, странно, что этого не требуют еще в холле больницы... и снять бюстгальтер, чего делать не пришлось, поскольку носила данный предмет гардероба Марго только летом и то не всегда, а зимой, то есть девять-десять месяцев в году, учитывая эстонский климат, обходилась без, – несмотря на не очень уже юный возраст, грудь у нее сохраняла форму и в упаковке не нуждалась... А если б даже и нуждалась, она бы, наверно, все равно ходила как есть, и немало в этом были бы повинны этой упаковки производители, ибо уже много лет все бюстгальтеры, которые только можно было отыскать в магазинах, содержали в качестве главного компонента отвратительные полукруглые железяки, впивавшиеся в тело и натиравшие кожу. А без оных железяк лифчиков просто не существовало, такова униформа, и всем положено ходить в ней, во всяком случае, в Эстонии, где поход по дамским отделам магазинов создает впечатление, что полмиллиона здешних женщин одевает и обувает одна-единственная фабричка, штампующая свои замечательные изделия в захудалой китайской деревеньке, где и сотни тысяч жителей не наберется...

Пропустив сквозь кольцо энное число раз, Марго освободили от иглы и разрешили встать. И, естественно, велели убраться восвояси. Вопросов она задавать не стала, ибо ответов на них получить не могла бы, даже если бы результаты обследования были уже сформулированы, распечатаны и подшиты, каждый на конвейере отвечает за свой участок, за общение с больными лечащий врач, и только он, иными словами, опять надо было ждать. Нельзя, впрочем, сказать, что она не находила себе места от нетерпения, напротив, была рада очередной паузе и жалела только, что та не очень длинна, меньше недели. Да и что точка, поставленная над «и», могла изменить, буква уже впечатана в текст ее биографии и заменить ее другой невозможно, что написано пером, того не вырубишь... а вот и нет, топор для подобной операции не подходит, но в каком-то смысле она осуществима, как то делают англосаксы с их извращенным звукообразованием, «и» у них благополучно превращается в «а», «а» в «е», и если латинское сансер произнести на английский манер, оно обернется черт знает чем, но только не тем, что оно есть, и, возможно, исполнитель (если таковой имеется) воли постановщика (не спектакля, а диагноза, собственно, и спектакля, коли уж мир – театр, в нем должен быть и режиссер) не поймет этого слова и устроит вместо аутодафе какую-нибудь инфлюэнцу... На самом деле, конечно, точка над «и» играла одновременно и роль финальной, от ее характеристик зависело, когда этот финал наступит. Ну и что? Есть люди, которым почему-то очень надо знать, когда они умрут, они подставляют ладони цыганкам, посещают гадалок и наверняка немедленно шелкают по идиотской интернетской ссылке с обещанием назвать со стопроцентной точностью день вашей смерти, последнее время эта штукавина, как ее зовут, Марго толком не знала, такая дурацкая рамочка с объявлением, которая скачет по нужному тебе тексту, изо всех сил мешая его читать, так вот, эта штука постоянно маячила у нее перед глазами, на какой сайт ни зайдешь, тебя уговаривают выяснить, когда ты окажешься на финишной прямой. Марго это не интересовало совершенно, она не собиралась срочно приводить в порядок свои дела, уничтожать, к примеру, черновики, дабы их не обнародовали трясущиеся от жадности наследники, не было смысла, как не было и потомков, на письменном столе у нее не лежала начатая рукопись, которую обязательно следовало закончить... начать с того, что у нее не было и стола, в отличие от рукописей никогда, даже в далеком школьном прошлом, и наверняка не будет и впредь... имелось, конечно, кое-что неосуществленное, например, посетить виллу Боргезе или послушать «живую» Барбару Фриттоли... ну да ладно!

Словом, ожидание ее не тяготило, более того, она даже особо не волновалась, а дошла до такой степени умиротворения, что отложила детективы и вернулась к постоянному в последние годы чтению трудов по истории, хотя приобретение новых знаний представлялось теперь заня-

тием непродуктивным. Впрочем, продуктивность для Марго значения не имела, ей было просто интересно, она любила историю, как ни высокопарно это звучит, с детства, еще в школьные годы она прочла почти целиком многотомную «Всемирную историю», гигантский (по размерам) труд советских, с позволения сказать, ученых, донельзя перегруженный марксистскими догмами и более чем обделенный фактами. Наверно, поэтому она не стала поступать на соответствующий факультет, классовой борьбы и смены формаций хватало везде, в мединституте их мусолили не меньше, чем в любом другом учебном заведении, кроме, по всей видимости, вышеупомянутого факультета. Не особо она читала в те времена и книги по истории, все равно почерпнуть из них что-либо умное было практически невозможно, и только после крушения реального социализма со всеми его истматами и диаматами и появления неидеологизированной исторической литературы она со всем усердием принялась за чтение. И довольно скоро обнаружила, что с научными или, по крайней мере, научно-популярными трудами происходит та же ерунда, что с детективами. Не говоря о постсоветских книгах, в которых, несмотря на все старания авторов, классовая борьба лезла не только из текста, но даже из пробелов, как грязная старая вата из дыр в обивке изношенного матраса, трактаты зарубежных авторов тоже можно было читать лишь с большой оглядкой; то они были сотворены какими-нибудь археологами, которые, наверно, гениально классифицировали черепки, но не имели никакого понятия о том, что полагается делать со словами, и размещали их на страницах в произвольном порядке, то авторами оказывались люди, отбирающие факты по собственному вкусу, как мебель для гостиной, излагающие одни и отбрасывающие другие... качество, не лишнее для романиста, но совсем неуместное для историка. Впрочем, неадекватный историк все-таки лучше такого же романиста, ибо, даже игнорируя одни факты, он, как правило, не выдумывает других, пусть мудрит с интерпретацией, но тут уж, имея каплю-две мозгов, можно разобраться самому, а нынешние романисты превращают гостиную в мебельный магазин, те же, кому удастся этого избежать, обставляют ее на свой собственный современный вкус, которого Марго не переносила, открытые кухни – это еще полбеда, но открытые спальни... теперь ведь главный предмет обстановки – кровать, но и это еще туда-сюда, а вот что в последние десятилетия возникла мода на открытые уборные, унитаз ныне ставят на почетном месте в центре гостиной, а иные тащат туда и гинекологическое кресло... Но к черту романы!.. Словом, Марго взялась за толстенную «Историю Венеции» и читала ее всю пятидневку от визита на МКС до sacramентального телефонного звонка. Звонил, конечно, Михкель, Марго на сей раз стирку затевать не стала, но ретировалась-таки в другую комнату, благо их в квартире было две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.